

16+

Эрих фон Корр

**Хроники реального мира.
Хранитель**

Эрих Иероним фон Корр Хроники реального мира. Хранитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31588440

SelfPub; 2018

Аннотация

На дворе – 21 век. Хранитель иногда появляется в этом городе. Порой – пару раз в столетие, а иногда и много чаще. Почти четыреста лет он путешествует между мирами, сражаясь с демонами, которых называют тойху. И в северном городе, на берегу огромного озера, он встречает любовь – миниатюрную зеленоглазую ведьму. Впереди у него битва за любовь и за судьбу родного мира, в которой ему помогают друзья: водяной старого озера, фавн, шалун-домовой, бывший солдат и рыжий Кот.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	27
Глава 3.	38
Глава 4.	70
Глава 5.	82
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Посвящается Елене Георгиевне Лаевской, на добрую память от автора.

Самая большая глупость, которую только может сделать человек, заключается в его уверенности в том, что мир, в котором он живет, является именно таким, каким он способен его видеть.

Глава 1.

Не понимаю, как можно не любить жаркое лето.

Страдания прячущихся от солнца в жаркий день людей мне очень давно были понятны только умозрительно. Я понимал, конечно, их желание спрятаться в тень, но очень давно уже не мог сам ощутить что-либо подобное. Я, в определенном смысле, мог буквально питаться солнцем. Для меня оказаться на недельку без глотка воды посреди пустыни Сахара было бы гораздо предпочтительнее пребывания хоть один день в трех шубах, но в разгар сибирской зимы.

Но довольно сложно в двух словах объяснить, почему и как это стало возможным.

Тот день начинался просто замечательно. Довольно большой чистый город на русском севере, стоящий на берегу огромного озера, к полудню буквально прокалился. Такой жары здесь не помнили очень и очень много лет. Я то помнил, но это было так давно, что с точным годом ошибся бы и я. Через пару дней я планировал уехать в Европу. Архитектура старых средневековых городов и крепостей, как и органная музыка и хорошее пиво, всегда исправно приводили мне в порядок и душу, и нервы. А и то и другое в порядок привести стоило. Так уж получалось, что время от времени я был вынужден оказываться в этих краях. Иногда пару раз в столетие, иногда – чаще. А во времена больших войн, бы-

вало, и по несколько раз в год. И это было определено очень давно и силами несоизмеримо сильнее меня.

Город мне нравился. Я помнил его, когда на его месте стояло лишь несколько бараков в излучине реки, но кабак уже был! Нравились его жители, трогательные и по-доброму наивные даже в своих заблуждениях: они ходили на выборы, но не верили в Ангелов и Судьбу.

И то, и другое, тем не менее, существовало тысячелетия и никуда и не думало исчезать. Если б люди могли хоть на миг осознать, насколько ничтожны их собственные возможности по изменению их же собственной судьбы, и то, что даже эти изменения сами они сделать не смогут никогда, то для большинства это было бы настоящим ударом. Но что и когда так улучшало человеку жизнь, как не иллюзии?! Так что пусть лучше верят, что в процессе выборов к власти приходят лучшие представители человеческого вида, чем в полную определенность всего сущего, Ангелов и демонов, и даже в Водяного собственного родного озера. Старик давно уже не обижался, хотя народу спас на своем веку столько, что и сам не помнил. Столько предрассудков кругом! Во времена моей молодости, к примеру, французская академия наук признала падение камней с неба антинаучной ахинеей, потому что французы догадались, что нет небесной сферы – очень прогрессивные академики оказались, знаете ли, но вот в существовании водяных и русалок никто не сомневался.

Каждому веку – своё мракобесие. Уж сколько лет прошло,

а я, к примеру, всё не могу смириться с тем, что ушли навсегда монархии великих держав. Ушли монархии – ушло величие, ушла навсегда легитимность власти... Ну не могу я всерьёз принимать за законных правителей своих стран всех этих выборных шутов. В не столь уж и давние времена я бы развешал половину из них на стенах своего замка просто за мерзкий характер и патологическую вороватость.

Пардон, конечно, но к концу четвертой сотни лет жизни убеждений не меняют. Я медленно брел по центральной улице к озеру. Планы у меня были самые простые и на этот раз чисто человеческие: я планировал набрать пива и уехать куда-нибудь в пригород позагорать в виде более легком, чем это почему-то было принято делать на общественных пляжах. Хотя нет ничего смешнее понятия 'что принято', его изменчивость всегда меня смешила как своей парадоксальностью, так и быстрой изменчивостью. Но запрет на публичную наготу, он, наверное, самый смешной и, по сути, самый неприличный из всех, что только можно придумать. Любой из этих 'морализаторов' хоть помнит, откуда он на свет то вылез, на всеобщее счастье? Что прилично, а что – нет, было решено, когда человека создавали! У человека может быть только одно неприличное место – пустая голова.

А вечером, сменив шорты, футболку и кроссовки на костюм, я планировал провести вечер в каком-нибудь хорошем ресторане. Тут была только одна опасность: не переборщить с пивом. Ничто человеческое мне не чуждо, включая

невинные пороки. Я до сих пор без смеха не могу вспомнить один курьёзный случай, когда приглашенная на чашку кофе после вечера в ресторане девушка одевалась и убежала настолько быстро, что забыла одеть бельё. Великолепный набор, кстати – под точеную фигурку. Но к зрелищу вдруг взлетевшего под потолок комнаты человека, распевającego при этом какой-то явно немецкий военный марш, она отнеслась несколько нервно. И даже мини юбку натягивала уже в подъезде. Но я не думаю, что она кому-либо о данном забавном случае рассказала. В конце концов, что только может не померещиться после плотного ужина и, главное, обильной выпивки, в ресторане в современной России? Что там могут под утро наливать, часто остается тайной даже для меня. В этой лотерее подводит опыт любых веков. К счастью, отравить меня почти невозможно.

Больнее всего, как оказалось, это когда тебя протыкают несколькими шпагами одновременно. Ну, а когда делают это со спины, то ещё и очень обидно. Больно мне при этом бывает, как и любому обычному человеку, но довольно быстро я восстанавливаюсь. Каждый раз после смерти я оказываюсь на одном и том же месте, в довольно прохладном северном краю тысяч и тысяч озер. На островке в центре крохотного древнего озерца, среди камней капища, которое построил незадолго до последнего большого ледника народ, от которого сейчас остались лишь выбитые на древних камнях непонятые никем послания. И я оказывался на ровном алом

камне без единой царапины и в той же самой одежде, в которой меня отправляли туда, где, как думали отправители, или нет ничего, или очень скучно, и откуда нет возврата. Ни первое, ни второе, ни третье действительности не соответствует. Я же, вернувшись, всегда отдаю долги. Но, с восемнадцатого века, я ненавижу шпаги, хотя сам и фехтую очень и очень неплохо. И только присущая мне гипертрофированная скромность не позволяет мне выразиться более определенно об этом своём умении. Самое удивительное, что выручает оно меня до сих пор и во многих точках мира. Но вот всё французское, и, как ни глупо это прозвучит – лягушек, я с тех пор очень и очень не люблю.

Согласитесь, но бывает ведь и так, что ассоциации значат гораздо больше здравого смысла? Но я никогда не смогу забыть одну встречу на узкой улочке предреволюционного Парижа. Той самой революции, которую французы называют 'великой'. – Это когда в поисках пути к счастливой жизни французский плебс отрубил голову своему монарху и получил свободу заливать кровью и свою страну, и земли сопредельных стран.

Революционеров всех времён почему-то постоянно тянет поделиться своим счастьем с соседними народами. Скучно им, наверное, пребывать в одиночку в мире победивших очередных передовых идей. И почему-то чем больше революционеры требуют свободы, равенства и братства, тем больше трупов у них получается в итоге. Но, весёлые были времена

и нравы! И тот случай был единственным за всю мою жизнь, когда, вернувшись, я не смог вернуть долги сам. Тогда же исполнителей убили в очередной военной авантюре Наполеона, который чуть ли не четверть населения своей страны умудрился убить в бессмысленных войнах, а заказчику давно отрубили голову ввиду не правильного происхождения. И это был тот редчайший случай, когда я был полностью согласен с мнением революционного народа.

Так что настроение у меня было самое благодушное. К счастью, даже мне не дано видеть будущее с абсолютной точностью и достаточно далеко. Иначе, поверьте, жизнь для меня превратилась бы в самый кромешный ад, который только может себе представить разумное существо. А я, вне сомнения – существо разумное, благодушное и любящее удовольствия. Я даже нашел для себя героя среди всех героев, что предлагает народам современная культура, очень близкого мне по нравственным ценностям и подходу к жизни – зовут его Винни Пух, лучшего не нашел, извините.

Люди меня уже лет двести не вдохновляют.

Чего только я не видел на своем веку! И как людей живьем сжигали, и что современные чиновники в России творят, о войнах так и вообще говорить нечего, так что как-то удивить, или напугать, меня довольно сложно.

Я проходил мимо небольшого ресторанчика – высокое крыльцо, за прозрачными витринами были видны столики. Ничего необычного. Но меня вдруг обдало холодом. Тряхну-

ло так, как будто на меня вылили ушат со льдом. Это не было знаком, что меня там ожидает опасность, но это, вне сомнения, был след. След одного из тех, кого уже тысячи лет вылавливают среди людей такие, как я. А, найдя, уничтожают, сжигая не внешнюю, вполне обычную человеческую оболочку, а то, что составляет их суть, после чего и тело погибало очень быстро. И сосулька потом упадет на то тельце, утонет оно на рыбалке, или сердечный приступ с ним приключится – вариантов могло быть много, но всегда это случалось очень быстро. Мы зовем их 'тойха', и я не знаю, почему и откуда пошло это название. Их так звали столетиями до меня, и, думаю, так же их будут звать и после того, когда, рано или поздно, и мне позволят не возвращаться в этот самый лучший из миров.

Мелкие демоны тысячи лет живут среди людей, но, не способные захватить любое приглянувшееся им тело, они так и оставались мелкими жестокими пакостниками, паразитирующими на человеческих эмоциях и боли. В разных народах и культурах им давали десятки имён, включая имена не существующих мелких божков, но это не меняло их суть. И шаман любого свободного африканского племени знает об этом на порядок больше иного академика этнографии, потому что шаман и его предки с этим живут и знают, а уважаемые академики – читают предания диких племен. Разница принципиальная, согласитесь, как и условия выживания. Ну что академики могут знать о духах?! И есть те из демонов, которых

мы и зовем 'тойха' – это когда захвативший человека демон дает человеческому телу и возможность жить долго, порой – очень долго; и способности, о которых обычный человек даже представления иметь не может. И у тойха, помимо получения удовольствий, есть цель. Настоящая цель, которая приносит удовольствие и еду захватившему тело демону – убивать. Они умеют менять мир, менять судьбы людей, видя будущие вероятности Судьбы людей и мира порой с точностью цветной фотографии. Последствия вмешательств тойха порой ужасающи. Им нужны не просто смерти людей – им нужно много смертей. Ведь душа, как и всё материальное, может служить и тривиальным обедом, или это для вас новость? А смерть сама по себе кому-то может казаться не менее красивой, чем обнаженная прекрасная женщина, выходящая из океанской волны – истинному ценителю красоты.

Правда, бывают среди тойху, так сказать, и вегетарианцы... Которые убивать людей, как раз, очень не любят, а живущему внутри демону эпизодически скармливают души тех людишек, которых и сами люди с радостью бы отправили на электрический стул или виселицу. И хотя и выглядит это довольно странно – вроде льва, лениво любующегося на стаю грациозных антилоп, и находящего именно в этом истинное и подлинное удовольствие, а вот голод предпочитающего утолять, скажем, рыбалкой.

Хотя, кто и когда в мире видел льва, забрасывающего рыбацкие сети? Но, тем не менее, что-то подобное существует.

И вот именно подобная разница во вкусовых пристрастиях и привела к войне – вечной войне, которая идёт между этими созданиями из-за разногласий, по сути, в вопросе сугубо гастрономическом: кого можно убивать и есть, а кого – категорически нет.

И не так это и странно выглядит – ибо, как помнится, сами люди и из-за поводов значительно более мелких – вроде незначительных, с виду, разногласий в вопросах одной и той же веры, или церковных обрядов, столетиями резали друг друга с истовой страстью и убеждённой в правоте своего дела.

Но тут, конечно, надо признать, что любые сравнения всегда и условны, и не всегда удачны, и, порою, искажают и суть, но уж лучшего у меня найти не получилось.

Убить тойха легко, только когда человек, в которого вселился дух, ещё не осознал себя в своем новом качестве, не вошёл в силу и не обрёл способность получать советы. А осознавший себя и вошедший в силу тойха был смертельно опасным противником.

Бывало, они успевали организовать такие мятежи и войны, что от ужаса потом вздрагивали столетия. А, в самых запущенных случаях, им удавалось создавать и целые государства вокруг себя, и, главное – успеть окружить себя защитой. Настоящей защитой, я имею ввиду, а не солдатиков почётно-го караула и службами безопасности – эти то клоуны, в данном случае, для меня носили функции чисто декоративные

и значения не имели. Настоящая защита – это чуть иное...

Мне стало холодно. Остановившись, я неторопливо закурил сигарету и подошёл к крыльцу, ведущему в кафе. Демонстративно посмотрел на часы. Действительно, что необычного было в человеке средних лет скромной симпатичной наружности, ожидающего кого-то у входа?

Надо было подумать, и, если честно, собраться с духом. Но было ясно, что все планы на вечер рушились. Сосредоточившись, я очень быстро понял, что тойха сейчас в кафе нет, но бывает он здесь явно часто. И почему-то этот тойха не считал нужным закрываться, его аурой были пропитаны, казалось, все стены. Этот зеленовато-красноватый отсвет с паутиной черных и алых нитей, с голубыми кончиками, торчащими, как иголки морского ежа, спутать было сложно.

– Беспечный нахал, – подумал я. – Или он ещё не понял, кто он такое?! Но тогда почему он ещё жив, почему его не заметили раньше?

И в кафе было ещё что-то странное. Там явно жила какая-то сущность, к людям не имеющая никакого отношения. Что-то похожее было в ауре моего друга – водяного озера, на котором стоял город. Неужели старик решил в кои-то веки выйти в люди? И не позвал меня, зная, что я в городе?!

Мысль же просто ничего не заметить и пройти мимо, даже не могла придти мне в голову. Теперь надо было постараться максимально закрыться, спрятать ауру, перевести мысли на что-то нудное и монотонное, и постараться превратиться

в самого обычного человека для того, кто мог видеть истинную сущность всего живого – излучаемый всем живым свет.

Открывая дверь в кафе, я стал про себя повторять длиннющие номера банковских счетов. Любой, умеющий видеть ауру и что-то в ней понимать, увидел бы просто серость уставшего от жары и занятого своими мыслями человека.

В кафе оказалось два зала. Тойха в кафе, действительно, не было. В первом зале, у стен, стояли маленькие столики на троих с высокими стульями. Второй зал был с обычными широкими столами для больших компаний. И оба зала оказались полупусты. Я устроился в первом. Выбрал свободный столик в углу и опять закурил. Очень быстро подошла миловидная официантка, и, приняв заказ на пиво, бутерброды с красной рыбой и пиццу, так же быстро ушла.

Проводив её взглядом, я отметил великолепную миниатюрную фигурку и что-то не обычное в её ауре. За ней тянулся такой явный шлейф любви, что и мне стало очень тепло и хорошо. Девушка, вне сомнения, любила, и была любима. И прошедшая ночь была для неё такой, что она будет светиться ещё несколько дней. Счастливая женщина после ночи любви сияет ласковым розоватым светом с золотистыми искорками. – Зрелище удивительной красоты! Очень жаль, что не всем дано его видеть.

Пиво мне принесли очень быстро. Сделав первый глоток, я, наконец-то, заметил и того, кто жил в кафе, явно не входя в штат obsługi.

Через столик от меня сидели две дамы средних лет. Перед ними стоял очень вместительный запотевший графин водки, уже пустой на половину, кувшин с соком и какие-то закуски. И это в середине дня! И вот на коленях у одной – очень милостивой брюнетки в слабом намеке на мини юбку, настолько короткой, что было заметно, что дама ношением нижнего белья в такую жару не озадачивалась, сидел маленький лохматый домовой, и беззастенчиво тискал её грудь.

Грудь дамы, скрытая лишь тончайшей полупрозрачной футболкой, была совершенством. Дама, разумеется, ничего не замечала, хотя замечало её тело – напрягшиеся соски уже торчали двумя острыми кнопочками. Домовой же явно блаженствовал. На всю эту картину крайне заинтересовано взирал огромный рыжий кот, сидящий у стола, и заинтересованно следящий за мелькающими волосатыми лапками домового.

Коты, как и грудные дети, великолепно видят и домовых, и души ушедших, и многое чего ещё. Я не удержался, поперхнулся от смеха пивом и закашлялся. Домовой же, нежно обхватив грудь дамы своими лапками, стал блаженно посапывать.

Кот, увидев, что ничего интересного больше не происходит, гордым валяжным шагом направился в мою сторону. Это владельцы кафе могли, конечно, наивно полагать, что это они тут самые главные, но я-то видел правду: настоящим и подлинным хозяином этой территории кот считал именно

себя. Проходя мимо моего столика, он вдруг остановился, как вкопанный, и пристально впился в меня огромными золотистыми глазищами. Мне даже показалось, что они начали у него светиться. Потом он прижал уши, и, подобравшись и громко уркнув, запрыгнул мне на колени. Весил он, как иной поросёнок.

Устроившись у меня на коленях, кот заурчал с громкостью маленького трактора и пристально и влюблённо уставился мне в глаза. Так что стало ясно, что все мои попытки закрыться для него оказались бесполезны. Я для него светился солнцем и теплом, а моя энергетика оказалась вкуснее любой рыбки. Оставалась надежда, что мне удастся обмануть тойху, но с котом у меня явно ничего не получилось.

Прогонять его я, разумеется, и не подумал. Во-первых, он бы искренне этого не понял и всерьёз бы обиделся; а во-вторых, наша совместная с ним аура сейчас представляла из себя такой калейдоскоп, что разобрать в нём что-то определённое было бы крайне сложно. Эта пушистая зверюга светила от счастья маленьким солнышком и никуда не хотела уходить. Звали его, разумеется, Рыжий, о чем он мне сразу муркнул.

Я же заказал ещё пива, настроившись ждать долго. Принесшая заказ официантка, заметив нашу с котом идиллию, удивленно округлила глаза. Она явно раньше не замечала за этим пушистым зверем такой непосредственной любви к клиентам. И чувство тревоги, холодом обдавшее меня на

улице, почему-то стало отступать.

Что-то непривычное для меня было с тойху, избравшим это кафе своим любимым местом отдыха или встреч. Почему-то он не прогнал домового, хотя был просто обязан его видеть, и он не прятал свою ауру, буквально пропитав ею все стены. И из кафе не ушел кот, который не мог не видеть истинную энергетику тойху и, вообще-то, должен был бояться его больше, чем любой разъярённой псины. А кот почему-то не ушёл.

Тойху всегда держат у себя собак, но никогда не смогут удержать у себя кота – это невозможно. Даже если кота к ним привязать – кот просто умрёт, и очень быстро. Ужиться вместе они не смогут.

Я начал нарезать пиццу. Рыжий кот урчал у меня на коленях, но, к счастью, уже тише, когда я заметил два смертельно испуганных глаза на пушистой мордочке. Домовой выглядывал из-за спины той дамы, с грудью которой так радостно играл ещё так недавно, смотря на меня с диким ужасом. Он оцепенел от страха, отлично осознавая, что, при желании, я могу буквально испепелить его взглядом. Очень легко – просто потому, что нас питали совсем разные силы. И он отлично чувствовал, с кем имеет дело. На его лице выражение ужаса явно боролось с желанием удрать куда угодно, и как можно быстрее.

Поймав взгляд домового, я улыбнулся и отрицательно покачал головой, коротким кивком указав на кресло напротив

себя, приглашая к беседе. Ослушаться он не посмел.

Домовой был обычным: ростом около четырёх футов, в коротких чёрных штанишках и чёрной же курточке; короткие волосатые ножки, длинные руки... Лицо его было почти человеческим, если бы не слишком большие чёрные глаза. По тому, что бороды у него не было, а весь он был покрыт уж слишком короткой и ещё бурой шерсткой, мне стало ясно, что этот домовой был очень и очень молодым – ему от силы было лет двести. Я очень мало знал этот древний народ, но мы никогда с ними не конфликтовали. На планете они, кажется, жили всегда, с незапамятных времен. Знаю, что когда-то у них были свои города, и жили они в этом мире, но потом, во времена последнего большого ледника, они попытались уйти... Уйти в один из миров, которые так рядом, если знать к ним пути, но не смогли. Что-то напутали их колдуны и учёные, и это племя навсегда застряло между мирами. Но, как ни удивительно, они и ни сгнули, ни пропали.

Домовой пристроился в кресле напротив, вопросительно взглянув на меня. Страх с его глазниц стал уходить. Отломив крохотный кусочек пиццы, я положил его перед ним – жест вежливости. В еде домовой, живущий в кафе, нуждался так же, как рыба в зонтике. Кусочек пиццы тут же исчез, продемонстрировав для зрителей, случись они рядом, наглядный пример телепортации, а для меня – вежливое согласие поговорить.

К счастью, в кафе играла музыка. В крайнем случае, наш

разговор мог сойти за мой разговор с котом. Люди ведь постоянно с котами разговаривают, никогда не озадачиваясь вопросом, насколько тем это нужно. Всё, что действительно важно, коты понимают без слов.

– Водяной озера мой друг, ты его знаешь? – спросил я.

В глазах домового мелькнуло удивление. Но он утвердительно и радостно закивал головой.

– Как его зовут? – едва слышным шёпотом спросил он.

Его голос шептал, казалось бы, прямо у меня в голове. Он проверял меня просто и незатейливо. И явно перестал меня бояться, поняв, что убивать его никто не собирается.

Я размышлял секунду. Знать Настоящее Имя – это очень серьезно. Такими знаниями не разбрасываются. В неправильных руках это может быть смертельно опасно, но водяной местного озера и этот домовый – были почти что родственниками, и, вне сомнения, друзьями. Да и знание Первого Имени, в конце концов, ничем серьезным не грозило, кроме возможности позвать.

И я назвал Первое из трёх Настоящих Имен Водяного.

Домовой радостно улыбнулся. Настоящее Имя мог знать только друг.

– Что ты хочешь знать? – прошептал он.

– Как тебя зовут? – спросив, я улыбнулся. Домовой мне понравился. Он не побоялся задать вопрос тому, кто был неизмеримо сильнее его.

– Его зовут Экра, и он мой друг, – услышал я ответ, ска-

занный не шёпотом домового, а вполне даже человеческим голосом. Женским. Подняв глаза, я на миг замер.

Передо мной стояла девушка. Очень красивая и очень юная. Миниатюрная. Ростом от силы дюйма 62-63. В чёрной джинсовой мини-юбке и чёрной же футболке на голое тело, плотно обтягивающей маленькую грудь. В чёрных кроссовках и с крохотной сумочкой чёрной же кожи через плечо. Волосы цвета воронового крыла спадали на плечи.

Её огромные зелёные глаза смотрели на меня и удивлённо, и испуганно. На шее у девушки висел кулон, который кому-то и мог показаться горным хрусталем на серебряной цепочке, но я отлично видел, что камень – настоящий голубой бриллиант чистейшей воды почти на три карата, а цепочка – белого золота.

Передо мной стояла та, следы ауры которой на стенах кафе я и принял за след тойху. И, к счастью, я ошибся, что было не удивительно – уж очень ауры были похожи.

Это же был человек. Вернее – почти человек. Люди веками называли таких ведьмами. И, как я успел увидеть, силы ведьмочка была невиданной. И, к счастью для меня, это была белая ведьма. Вот почему я ошибся в оценке следов её ауры на стенах кафе – что-либо подобное я видел лишь дважды за всю свою жизнь. И – белая ведьма! Бриллианты величиной с куриное яйцо находят чаще!

Я знал, что надо что-то сказать, но несколько секунд не мог сказать ни слова, безнадёжно утонув в её огромных зе-

лѐных глазах. Лишь с огромным усилением воли я заставил себя прошептать: я ждал тебя.

Повисла неловкая пауза.

И тут огромный рыжий кот на моих коленях вдруг перестал урчать и поднял голову над столом, недоуменно взглянув на подошедшую девушку. Он отлично заметил вмиг изменившуюся ауру вокруг нас.

– Рыжий чужих к себе не подпускает, – удивлённо сказала девушка, – он тут несколько приставучих клиентов едва на части не порвал. У меня большие неприятности потом были.

Но кот и не думал начать меня рвать. Блаженно зевнув во всю пасть и продемонстрировав клыки, которые с легкостью прокусили бы человеку ладонь насквозь, он требовательно потёрся о мою руку, прозрачно намекая, что надо бы продолжить его гладить. Когда же я послушно начал перебирать пальцами у него между ушами, это пушистое рыжее чудовище опять блаженно вытянулось на моих коленях и заурчало.

– Никогда не видела ничего подобного! Он у нас тут шесть лет живёт, но никогда такого себе не позволял, – удивилась незнакомка.

Я жестом пригласил девушку присесть. Домовой одним прыжком оказался на соседнем свободном кресле и продолжал смотреть на всё происходящее огромными от удивления глазами.

– Экра, опять девок за сиськи дѐргал? – строго спросила ведьмочка, присаживаясь на освобождённое домовым место.

У тебя в жару всегда сексуальная озабоченность возрастает. В Питере вот вашего брата много, я была недавно, так кучу вашего народа видела. В Эрмитаже вообще целое ваше племя поселилось. Хочешь, отвезу? – спросила она домового.

Но тот смущённо спрятал мордочку в ладони и отрицательно быстро-быстро закивал головой.

– Нет, – заступился я за домового. – За сиськи девок он не дёргал. Почти. Просто посидел с дамами за компанию.

Делая это заявление, я не смог скрыть улыбки, отлично зная, что мне не поверят.

– Вон там, – и я кивнул на двух леди за дальним столиком.

– А, я их знаю, – девушка улыбнулась, – каждый четверг тут напиваются, а потом в сауну едут.

– А почему по четвергам? – удивлённо спросил я. – Вроде принято в пятницу напиваться, национальная традиция.

– В пятницу они с мужьями напиваются, а по четвергам – друг с другом, – пояснила девушка, – уже года два. Дружба у них женская настоящая. Живут где-то рядом...

– Пиво, коньяк? Что предпочитает леди? – я смог наконец-то произнести что-то, более или менее подходящее к ситуации и не очень глупое.

– Кто ж коньяк пить в обед начинает, да ещё в такую жару? – удивленно спросила красавица. И, вообще-то, это мой бар, приличного коньяка у меня здесь в жизни не бывало. А леди предпочитает Кровавую Мэри вечером... Но в обед – только пиво! Иногда. Но сейчас я убегаю, очень спешу, прав-

да. Заскочила на минуту за документами.

И девушка стала что-то искать в своей маленькой сумочке.

– Ты позвони мне сегодня вечером, после двадцати, встретимся, – сказав это, она протянула мне визитку. Её глаза блеснули.

– Обязательно позвони! – бросила на прощанье маленькая ведьма, и, легко соскочив со стула, быстрым шагом скрылась где-то за стойкой бара в служебных помещениях. Появилась она оттуда буквально через минуту и, махнув мне ладошкой, тем же быстрым шагом вышла из бара.

Я неторопливо рассматривал оставленную мне визитку. Чёрный пластик с золотым тиснением. Ведьмочку, оказывается, звали Ольгой. Но фамилия у нее была немецкая – Гилле. Мы, в определенном смысле, оказались земляками. И её фамилия показалась мне смутно знакомой – когда-то, в своих бесконечных странствиях по свету, я с ней сталкивался. Но когда?! Как ни старался, вспомнить я не смог. В визитке были указаны номера двух сотовых телефонов и адрес в Интернете.

Редко когда в жизни я был так растерян. Огромный пушистый рыжий кот блаженно урчал у меня на коленях, явно не чувствуя ничего плохого. А я вдруг осознал для себя, что, оказывается, можно утонуть не только посреди шторма в океане на терпящем бедствие корабле, но и в бездонных лучистых зелёных глазах. И у кого?! У трактирщицы?!

Барон Эрих Иероним фон Корр и – трактирщица! Полный мезальянс! Хотя, – поправил я себя, – бывший барон, и самая настоящая ведьма... Невиданно сильная белая ведьма. Это утонув в океане, я бы мог вернуться, а вот с глубин её бездонных зелёных глаз – никогда...

Надо было подумать, что со всем этим делать. Удирать тут было бесполезно. Земной шар слишком мал, чтобы можно было убежать от себя. И я уже знал, что обязательно позвоню ей вечером.

– Ты кто? – прошептал вдруг у меня в голове едва слышимый голосок домового.

Его голова едва виднелась над столом. Вся его пушистая мордочка выражала любопытство.

Ответить на этот вопрос было очень не просто. Я размышлял почти минуту, прежде чем смог сформулировать более или менее близкий к истине ответ.

– Хранитель, – ответил я.

– Хозяйка хорошая, – убеждённо прошептал домовый. – Экра её очень любит и охраняет. Экра очень давно этой семье служит. А сюда я недавно переехал. Издалека. Из Европы. И Рыжий её любит. А ты?

В огромных глазищах домового мелькнул насмешливый огонёк. Или мне показалось?

– А ты сохранишь тайну? – спросил я в ответ.

Домовой утвердительно кивнул.

– Да, я её тоже люблю. Ты ведь не скажешь хозяйке? –

спросил я.

Домовой радостно отрицательно закивал головой.

– Ладно, иди к своим девочкам... порадуйся. Я допью пиво и пойду. Мы ещё встретимся, – и я коротко кивнул, давая понять, что разговор закончен.

Домовой исчез почти мгновенно. Но, или я ничего не понимал в жизни, или мой 'секрет' он доложит своей хозяйке при первой же встрече. На что, собственно, я и рассчитывал.

Действительно, ведь как порой в жизни полезно иметь такого хранителя своих тайн, который под большим секретом обязательно донесет до того, кого надо, тот самый, самый главный в жизни секрет.

Глава 2.

Делать в баре мне было больше абсолютно нечего. Допивая пиво, я неторопливо размышлял о своих дальнейших планах. И что может придумать разумное существо, которому в кои-то веки потребовалось посоветоваться и излить душу? – Правильно – взять чего-нибудь выпить и закусить, да и поехать в гости к другу.

Уверяю вас, искать такое решение проблем душевного спокойствия – это отнюдь не местное изобретение и в ходу уже тысячи и тысячи лет, но ведь и не мною однажды замечено, что ничто не ново под луной.

Друг же у меня в радиусе ближайших пятисот миль был только один – водяной озера, на котором стоит город. Старше меня он более чем на полторы тысячи лет, и это, вне сомнения – самый образованный, мудрый и интересный собеседник, что я когда-либо встречал.

В своем доме – в огромной пещере на противоположном берегу бухты, вход в которую всегда скрывает вода, водяной собрал огромную библиотеку и великолепную коллекцию разных редкостей. Как минимум, треть его библиотеки состоит из папирусных свитков с раритетами, которые современная цивилизация вообще считает давно утерянными. Мне всегда казалось, что бесконечно там тянутся и стеллажи со средневековыми фолиантами на пергаменте, и с тиснёны-

ми золотом корешками книг восемнадцатых – девятнадцатых веков. Великолепны были залы с коллекциями оружия, драгоценностей, скульптурами и картин.

И в пещере водяного всегда очень сухо и тепло. И, если раньше его пещера освещалась и обогревалась плашками с чем-то живым, издающим золотисто-зелёный свет, то лет с шестьдесят тому назад водяной умудрился провести к себе электричество, подключившись к какому-то подводному кабелю. Он почему-то называл это 'платой за транзит'. А ещё в пещере есть очень необычный камин, который представляет собой настоящее чудо и является единственным в мире в своём роде.

Каждый год в дни летнего солнцестояния водяной покидал свой дом. Не знаю, где точно это место находится, знаю только, что – где-то юге, где водяные пресных рек и озёр собираются на свой ежегодный бал, длящийся почти неделю. Обсуждают только им важные новости, меняются разными редкостями, танцуют, пьют, заводят романы... Но сейчас мой друг должен был быть дома.

Внешность водяной может принять любую: хоть девочки-школьницы с косичками, хоть старца с клюкой. И он днями может обходиться без воды своего озера, путешествуя по суше в обычном человеческом облике, если ему потребуется, к примеру, найти себе новый дом, или попить пива с другом... Настоящий, подлинный облик водяного – это зрелище не для слаонервных. Можете представить себе ожившую

гигантскую каплю? А ведь водяные – одна из старейших рас на планете, старше их только плазмоиды. Но, если домовые навсегда застряли между мирами, и не всем дано их видеть, то водяные жили в одном с людьми мире всегда. – Очень древние, мудрые и добрые существа.

Каждое лето водяной почему-то считает своим долгом, так сказать, 'поработать водяным'. Почему ловит мышей сытый домашний кот и выкладывает свою добычу хозяевам на обозрение? Точно так же и любой водяной иногда – запутывает сети рыбаков, спасая рыбу; прочищает подводные родники, а каждую зиму непременно ложиться спать до весны.

Вот почему они заводы по берегам своих озёр и рек ещё не смывают, до сих пор понять не могу, но они предпочитают в дела людей не вмешиваться. Хотя нет ничего сложного для любого водяного в том, чтобы устроить, к примеру, огромный фонтан из вдруг проснувшегося родника посреди иного особенно гадящего в его озеро заводика.

Я и то иногда с трудом сдерживаюсь, чтобы не спалить в золу иное чудо технического прогресса, чтоб хоть как-то уменьшить извергаемую им ядовитую гадость. Приняв решение, я вышел на улицу, перед этим спустив на пол со своих колен Рыжего. Кот проводил меня тоскливым взглядом и грустно мяукнул вслед.

На улице так же палило солнце. В городе у меня была по случаю куплена квартирka из нескольких комнат, где хранилось лишь несколько дорогих сердцу безделушек, одежда,

очередные документы – почти подлинные, и тот минимум наличных денег, что мог мне потребоваться в этой стране. Там же стоял компьютер с выходом в сеть для сугубо прикладных задач – своими финансами и имуществом, разбросанным по всему миру, надо было как-то управлять.

Основной дом, крепость – не знаю, как назвать это место более точно, был у меня в одном чудном местечке на берегу Средиземного моря. Вот там у меня всё было обустроено очень серьезно. И, хотя мой дом и выглядел с виду игрушечным замком, но вот в своей системе защиты он имел огромное количество различных как технических, так и иных сюрпризов, для нежеланных гостей делающих его почти неприступным. И главное мой дом хранит не за своими стенами – главное скрыто под ним – это вырубленные в граните колоссальные анфилады комнат и залов настоящего подземного дворца.

А маленький замок на поверхности, с садом и дубовой рощей вокруг своих зубчатых стен, напоминал мне мой первый, настоящий замок времён, когда я был самым настоящим бароном, а стены замка не раз и не два служили мне именно для защиты, а не для красоты. Вокруг моего дома разбит чудный сад из роз и есть даже своя маленькая дубовая рощица, посаженная мною лично в начале девятнадцатого века. И там меня всегда ждут моя домоправительница – фрау фон Штакельберг, моя милейшая Хельга; и её муж – мой секретарь и многолетний верный помощник Генрих,

которые отлично знали, с кем имеют дело, и были абсолютно мне преданы.

Я смог остановить их старение, и второе столетие этой паре было с виду чуть за сорок, как и в тот день, когда они только поступили ко мне на службу. И, поверьте, нет в мире более преданных слуг.

Ах, если бы вы знали, какие пироги она умеет печь! И какое она варит пиво!

Мне безумно захотелось домой, но почему-то кольнуло холодком в душе – безошибочное чутьё говорило, что суждено этому случиться ещё очень нескоро, но я даже представить себе не мог, почему?

Водить машину я так и не научился, хотя пара автомобилей у меня дома в гараже и всегда стояли, но возил меня всегда только Генрих. А бывая в других странах, во всяком случае, со времён сразу после Первой Мировой войны, я всегда предпочитал такси. Нет – права у меня были, выданные даже в двух странах, и не так и давно, но за рулем я всегда чувствовал себя так же, как, наверное, иной бедняга на электрическом стуле за минуту до того, как подадут ток.

И вообще машины я ненавидел. Нелюбовь к этим воняющим монстрам у меня возникла сразу, как только они появились на дорогах, и вот почему-то никак не ослабевала. Но пользоваться ими, увы, приходится постоянно.

Пришлось брать такси, ехать к себе домой, переодеваться и брать огромную сумку. Потом мы ещё долго мотались по

магазинам. Я закупал различные деликатесы и спиртное. К великолепному коньяку я набрал ещё и пива – немецкого, разумеется.

Довольно долго мы ездили и по книжным магазинам, где я долго и тщательно выбирал и журналы мод, и кучу научно-познавательных книг, журналов и газет – водяной просто обожал подобное чтение. Шофёр, бедняга, истекал потом и, наверное, ругал меня про себя, на чём свет стоит, но уж слишком хорошую цену я ему предложил, чтобы он эти свои мысли озвучил вслух, хотя на его смуглом от загара лице всё это и читалось абсолютно явно.

Когда мои вояжи по магазинам были закончены, мы ещё почти час ехали вдоль берега озера до того места на берегу, где я и попросил его остановиться на грунтовой дороге в хорошо знакомом мне месте. Отсюда мне ещё предстояло пройти по лесу, чтобы дойти до той огромной скалы, далеко выступающей в озеро, под которой и жил мой друг водяной. Вызвать его я мог и с любого места озера, конечно, но в этот раз я хотел напроситься в гости.

По дороге с шофёром мы молчали. Выйдя из машины, я рассчитался, и, забирая с заднего сиденья свою тяжеленную сумку, обмолвился, что жду друзей на пикник и забирать меня не надо, на что таксист лишь молча кивнул в ответ.

Напряжение между нами, возникшее сразу, как только я сел в машину, лишь усилилось. Своей полноценной ауры у парня не было, что-то съедало его энергетику, как червь вы-

едает изнутри красивое с виду яблоко. И сразу он не уехал, а, выйдя из машины, устало потянулся, закурил, и с задумчивым видом стал обходить машину, постукивая по колесам ногой, иногда угрюмо поглядывая на меня.

Закурил и я. Потом водитель открыл капот и стал копаться в моторе. Вот теперь я мог рассмотреть парня внимательно, и только тут я заметил, что над его головой и вокруг груди вилось едва заметное серое облачко, не видимое никому, кроме меня, а это значило, что на парне поселился маленький бесенок – почти разумный энергетический паразит. И вот ему я категорически не понравился, что было абсолютно справедливо, но это своё отношение ко мне у бесёнка почти получилось передавать и своему хозяину! Когда и где парень умудрился его подхватить?! Но теперь это было уже не важно.

Я не стал раздумывать, что делать, и снял свои солнцезащитные очки. Если бы в этот миг кто-нибудь встретился со мной взглядом, то ему бы показалось, что в моих глазах блеснуло солнце. Перед смертью бесёнок проявился полностью, и я не увидел ничего для себя неожиданного: маленькая головка, величиной с кулак ребёнка, пасть летучей мыши, крохотные крылышки и длинный хвост с кисточкой на конце, которым тварь обвинялась вокруг груди парня. Шесть крохотных лапок с коготками на концах вцепились в его голову.

Перед смертью бесёнок повернул свою морду ко мне, и в

его единственном глазе мелькнула безумная ярость и страх, но удрать он не успел. Горел он, как горит пропитанный спиртом клочок ваты на углях – почти мгновенно. Вот и всё – дело было сделано. К счастью для себя, парень просто не мог ни увидеть, ни почувствовать ни демонёнка, ни жар убившего его огня.

Сколько подобных созданий я уничтожил на своем веку, я не помнил даже примерно, но, поверьте – очень много. Перед смертью они всегда проявлялись в огромном разнообразии обликов, но самым частым всегда был образ обычной капли с несколькими бусинками глаз и шестью лапками.

Парень прекратил копаться в моторе, закрыл капот и недоуменно провел ладонью по лицу.

– Вас точно не надо будет забирать? – спросил он. – Возьмите, – и он протянул мне свою визитку, – а то, мало ли что. Позвоните, я приеду, если надо.

Я улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой, но визитку вежливо взял. В город я думал возвращаться несколько иным путём, потому что мне не потребуется тащить тяжеленную поклажу.

Машина, наконец-то, уехала, и я остался на дороге один. С пару минут я докуривал сигарету, задумчиво разглядывая свою огромную сумку. Мысль тащить её через дикие заросли до озера меня совсем не радовала.

Я очень и очень не любил делать днём то, что собирался сделать сейчас, но уж очень ноша была тяжела, а заросли

перед озером казались сплошной крепостной стеной из кустарника и деревьев. И я даже знал того, кто десятилетиями так плотно эти кусты и деревья тут высаживал, создав почти непроходимую живую стену.

Вздохнув, я взял в руки сумку, плотно прижав её к груди. Потом – оттолкнулся ногами от земли и взмыл в воздух. Мои крылья всё равно не всем дано видеть, но это совсем не значит, что их у меня нет.

Кругом стояла перевозданная тишина – ни шума мотора, ни человеческих голосов. Я был уверен, что на дороге я в полном одиночестве. Безошибочно определив направление и сохраняя тело в вертикальном положении, не спеша, я полетел в сторону берега.

Оказавшись на месте – на верхушке огромного гранитного валуна, подобному огромному неведомому зверю, заползшему в озерную волну, да так и замершему в ней навсегда, я приземлился. И я сразу почувствовал – мой друг, водяной, дома! В его почти неосязаемом ответе было радостное удивление, но почувствовал он меня мгновенно. И мне осталось лишь подождать несколько минут, пока водяной не провёл меня в свой дом, заботливо окружив воздушным пузырьём.

Но такси, на котором я сюда добирался, не уехало далеко. Водитель остановил машину сразу за первым поворотом.

День для парня вышел не простым, и он был очень уставшим. Полночи кричал маленький сынишка, у которого резались зубки, и выспаться так и не удалось, а с утра ещё при-

шлось возиться с машиной, менять вдруг полетевший генератор. И жара, эта дикая жара, которая, казалось бы, убивала. И очень болела голова. Потом этот странный клиент. Хороший клиент, хорошие деньги, но странный – в чёрной рубашке и чёрных джинсах и в чёрной кожаной курточке. В такую жару? И ни бисеринки пота на лице. Он чем-то сразу стал раздражать, этот пассажир, хотя и не сказал ни слова сверх того минимума, что был необходим. И странное место, куда он приказал его привести. Какой пикник тут может быть?! До озера ещё идти и идти, и сквозь такие заросли, что без трактора это явно сделать будет сложно.

И что-то этот странный пассажир с ним сделал. Ощущение прохладного освежающего ветра, обдавшего с головы до пят, когда он копался в моторе, было абсолютно реальным. На голову как будто вылили ведро невидимой ледяной воды. Сразу ушла головная боль и отступила жара.

Но какой пикник его странный пассажир надумал здесь устраивать? С одной стороны дороги – непроходимые заросли, с другой – болото?

Остановив машину, парень направился в кусты по делу простому и тривиальному. Он успел расстегнуть брюки, когда бросил взгляд сквозь заросли на то место, где оставил своего пассажира, и замер от удивления: пассажир взмыл в воздух и медленно летел над зарослями к озеру. И за его спиной сияла едва заметная радужная тень, как над порхающей на солнце стрекозой, но огромная, шириной не менее метров

шести.

Таксист не стал протирать себе глаза, или вспоминать, когда и что он пил в последний раз. В реальности происходящего он не сомневался ни на йоту.

Когда взлетевшая фигура скрылась за верхушками деревьев, а он закончил то маленькое дельце, которое, собственно, и привело его в кусты, то бегом бросился к машине. Судорожно вцепившись в руль, парень ещё несколько минут обдумывал то, чему оказался свидетелем. И решил, что об этом он не расскажет никому и никогда. Никому и никогда, но теперь каждый день он будет дежурить там же, где встретил этого странного пассажира.

Он предложит ему катать его абсолютно бесплатно и куда угодно, лишь бы тот ответил ему на один вопрос: ты кто?!

Глава 3.

Мы сидели в роскошных креслах из витой золотистой лозы перед камином в пещере водяного. И это был самый странный камин из всех, которые только можно себе представить, и самый прекрасный из всех, виденных мной где-либо ещё.

Вы никогда не видели зелёного пламени, весело пляшущего по поленьям? Бездымный зелёный огонь завораживал и обдавал волнами тепла. Чуть слышно потрескивали толстенные поленья. Огромный каминный зал освещали несколько роскошных люстр, но их свет сейчас был притушен. Звучала тихая музыка – 'Времена года Вивальди', а если музыка прекрасней? Мой друг знал, что я люблю больше всего. На низком дубовом столике между нашими креслами стояла корзина с фруктами и почти пустая бутылка коньяка. Уже вторая с момента встречи.

– Ты тут многое поменял, – сказал я. – Музыка то откуда? Водяной небрежно пожал плечами.

– Музыкальный центр, – ответил он. – У меня теперь не только электричество, но и Интернет. Радиомодем. Два компьютера, три телевизора, спутниковое телевиденье, несколько холодильников, морозильная камера, электроплита и много чего ещё...

Я поперхнулся коньяком.

– А чего ты удивляешься? – водяной усмехнулся. – Я больше двух тысяч лет сырую рыбу ел... сколько ж можно! Так раньше рыба была! Да... А сейчас – одни химикаты. Я сырую, конечно, по-прежнему люблю, но предпочитаю норвежскую семгу. Нашу озёрную рыбу есть уже почти невозможно, озеро вообще загадили. А так – наберу себе хвостов в гипермаркете в городе на месяц, и блаженствую! Уху варю, котлеты рыбные делаю... Уху будешь? – спросил водяной.

Я поперхнулся коньяком опять и не смог не расхохотаться. Мне никогда не могло придти в голову, что водяной может любить уху! Ну что-то в этом было неправильное!

Встретил меня водяной в своём любимом образе щеголеватого господина во фраке, но выпили мы уже, да и знали друг друга второе столетие, так что водяной позволил себе расслабиться, и принял более удобный для себя вид: голову он сохранил человеческую, а вот ноги слил во что-то, напоминающее хвост. И теперь уютно растёкся в глубоком кресле.

– Как я раньше без телевизора и компьютера жил, не понимаю! – водяной сокрушенно потрянул головой. – Книги любил, это да, всю жизнь библиотеку собирал. Но теперь как-то веселее стало. Давай! За встречу! – в который раз предложил этот тост водяной.

И мы опять чокнулись роскошными хрустальными бокалами.

– Деньги то у тебя откуда, Ори? – спросил я.

– Деньги? – водяной довольно хмыкнул. – Я, оказывается, очень богат, Эрих! Во-первых, я нашёл несколько кладов, причем чистых, без охранных оберегов и заговоров. Во-вторых, я нашёл золото – довольно крупную россыпь у южного берега. Тебе золотишка подкинуть не надо, хоть пару пудов? – спросив, водяной довольно улыбнулся. – Продаю по мере надобности, в полцены, конечно. Но покупателей найти – не проблема. Вот с чем проблемы, так это с документами. Не могу счёт в банке открыть, не могу слетать куда-нибудь, или съездить. Ты не поможешь? У тебя то с этими бумажками, как я помню, никогда проблем не было?

Я согласно кивнул головой.

– Не проблема, – согласился я, – и путешествуй себе на здоровье. По стране. Но в банк тебе лучше не лезть. Бумажки то я тебе сделаю, но за бумажками надо быть! Если бумажки есть, а тебя в базе данных нет, то могут быть проблемы. Уж больно просвещённый век наступил, дружище! Кажется, единственное, что ещё может сделать человек в этой демократичной стране без предъявления паспорта – это дышать, а вот для всех иных, более серьёзных действий, гражданину обязательно нужен паспорт. С пропиской, или регистрацией – даже для того, чтобы отправить другу электронное письмо из кафе.

– Прописка? – удивился водяной. – Это то что?!

– Ну, помнишь крепостных? Вот это что-то подобное, но на новом уровне технического прогресса. Все ныне взяты на

учёт, мой друг, и государство теперь знает, и кто где живёт, и куда ездит. Они знают, и кто и что кому пишет – особенно в Интернете, кто и что там говорит, или показывает, кто что покупает – продаёт, и как тратит свои деньги. Я очень серьёзно подозреваю, мой друг, что это государство очень хочет знать и то, кто о чём думает, и я боюсь, что рано или поздно это приведёт к чему-нибудь очень плохому.

– Так что, крестьяне до сих пор прикреплены к земле? – поразился водяной, – так вроде же нет!

– Да нет, – вздохнул я, – крестьяне ныне свободны, но зарегистрированы, поэтому им и говорят, что они свободны.

– Что-то тут я не очень понял разницы, – задумчиво сказал водяной, – а меня что, можно арестовать? И, собственно, за что?! Людей спасаю, зла никому не делаю... Больше двух тысяч лет живу в своём доме на одном и том же месте! Так что я, барон, гражданин России, и право на паспорт имею! С этой – пропиской!

Я поперхнулся коньяком в очередной раз. И на этот раз хохотал долго и от души.

Действительно, является ли доброе и мудрое разумное существо, живущее на этой земле более двух тысяч лет, спасающее людей и хранящее озеро, гражданином современной России?

– Ой, Ори, тебе дадут не паспорт! – сказал я, чуть успокоившись, – тебя посадят куда-нибудь в клетку, объявят государственной тайной и будут над тобой опыты ставить, чтоб

понять, как ты устроен! А библиотеку твою и коллекции просто украдут. И даже в музеи их не выставят, так как никогда не смогут объяснить, откуда эти сокровища взялись, так что, думаю, их просто по сейфам попрячут. А самое ценное вообще, скорее всего, пропадёт... и окажется в частных коллекциях у правящей верхушки, а там ныне – сплошь одно воровьё. Нувориши, дорвавшиеся до денег и власти, холопьё и временщики. А такая власть – это самое страшное, что может получить народ. Это коллекция тех же монет русских государей стала национальным достоянием, а эти, кто ныне правят – просто всё попрут. А у тебя тут, мой друг, одних золотых монет разных эпох несколько пудов! Ты на их замки посмотри – они тянутся к величию вкуса русских царей, но так и остаются холопами и во вкусах, и во всём остальном.

Водяной лишь тихо и очень грустно вздохнул, но ничего не ответил.

– Давай сделаем проще, – предложил я, – если тебе местные деньги нужны, то я привезу тебе чемоданчик. И оставлю тебе номера своих телефонов, настоящих, а не местных, и пару электронных адресов. Потребуется ещё – сообщи. Банковские карты тебе явно не подойдут – каждый раз твоё фото с очередным лицом будет попадать в базу данных. Да и счета у меня Швейцарские и Австрийские... Интерес вызовешь. Ты только дом в центре города не начинай строить! С большим бассейном!

Я опять улыбнулся. В мысли, что водяной может стать до-

мовладельцем и налогоплательщиком, было что-то от очень специфического юмора.

Водяной же к предложению отнесся серьезно.

– Когда привезёшь? – спросил он. – И, скажи, золото то тебе нужно?

– Пару пудов? – я усмехнулся. – Не стоит и связываться. Для меня сейчас это не деньги, возни больше. Но ты копи потихоньку, очень и очень скоро оно нам потребуется, а бумажки не будут стоить ничего. Трудные времена наступают, мой друг. Войны, войны, кризисы... Большая долгая война начинается на юге, как говорит мне мой немалый опыт в подобных делах. А вот когда привезу...

Я достал телефон и постарался позвонить. Связи, разумеется, не было.

– Над нами почти сорок футов гранитной скалы, – с усмешкой прокомментировал водяной, – связи нет. Я свой радиомодем выводил длиннющим кабелем. Куда звонить то надумал?

– Домой, – ответил я. – У моей домоправительницы доверенность на управление несколькими моими счетами. Надо деньги сюда перевести, заказать, обналечить – подготовить тебе твой чемоданчик. Дня через три принесу. И у меня ещё один очень важный звонок есть. Так что выходить из пещеры придётся, Ори.

– Домой позвонить – это понятно. А кому ещё у тебя может быть 'важный звонок'? – спросил водяной, не скрывая

лёгкого сарказма, – давно у тебя серьезные дела с людьми появились?

И я, не торопясь, подробно, рассказал ему о своей встрече с ведьмой. Почти всё.

Водяной молчал несколько минут, неторопливо потягивая коньяк.

– Экра, значит, у неё поселился, – неопределенно протянул он. – Его то я знаю. Он тут у нас недавно появился, сразу после последней большой войны. Понаехали тут..., – с твёрдым прибалтийским акцентом добавил водяной. По-русски он почти не говорил ещё, только по-немецки и по-французски, но по-немецки явно лучше, как я помню. Мы с ним встречались несколько раз, он ко мне к озеру знакомиться приходил. О своей хозяйке он тогда рассказывал мало, но сказал, что она ведьма и что он давно этой семье служит... Но ты говоришь, что она очень сильна?

– Самая сильная из всех, что я когда-либо видел. Я отсвет её ауры на стенах кафе сперва принял за следы ауры тойху. Я уже воевать собрался, Ори. Она очень сильна, – сказал я убежденно.

– Упаси нас, Судьба, от тойху, – тихо прошептал водяной. Не хочу большой войны. Опять моё озеро бомбить будут и трупами закидывать... Дамочки голенькие купаться перестанут, телевидение отключат и Интернет. И где я буду норвежскую сёмгу покупать?! Красную рыбу в озере уже даже мне достать трудно. Окуней опять лопать?! Так надоели они

мне! Нет, не хочу я большой войны, – убежденно сказал водяной. Если помощь потребуется, обращайся. Я и сам помогу, и друзей попрошу, если надо будет. Мы тойху не любим, ты же знаешь. И войны не любим. За мир и дружбу! – предложил Ори очередной тост.

И мы опять выпили.

– И ты в неё влюбился, – убежденно сказал водяной.

– Как догадался?! – искренне удивился я.

– Барон, я знаю, кем ты являешься сейчас, но рождён ты был человеком. И человеком ты всё равно остался, а я уж за свою жизнь научился в вас, людях, разбираться. Ты хоть помнишь, сколько мне лет?

– Помню, что больше двух тысяч, – я смутился.

– Две тысячи шестьдесят восемь, – обиженным голосом поправил меня водяной. – Я же тебе говорил! И что думаешь делать теперь? – спросил он после паузы.

Я неопределённо пожал плечами.

– Если честно, я приехал к тебе ... поговорить, – ответил я.

– Поговорить, значит, – водяной усмехнулся. – Эрих, я не хочу терять друга, так что совета в делах сердечных ты от меня никогда не услышишь. А поговорить... да... можно...

И мы молчали какое-то время. Я потягивал коньяк и не мог оторвать взгляда от игривого зелёного огня.

– Как ты это делаешь? – спросил я, кивнув на пляшущие в камине зелёные язычки пламени. И, хотя я и видел этот ка-

мин далеко не впервые, но вот почему-то решил прояснить для себя, в чём же тут дело, только сейчас. Раньше я этот чудный зелёный огонь воспринимал почему-то как само собой разумеющееся – как рассвет, или самого водяного.

– Огонь?! А ты не видишь? – удивлённо спросил водяной. – У меня в камине огнёвки живут. Очень редкие, правда – зелёные. Но мы дружим уже очень давно, привыкли друг к другу. Приглядишься, – предложил Ори.

Я присмотрелся. И, действительно, язычки пламени только казались хаотичными сполохами – вокруг брёвен плясали тонкие полупрозрачные фигурки порхающих многокрылых мотыльков.

– Они очень любят музыку, – сказал водяной. Им лишь бы танцевать! А музыку выключишь – так едва-едва слабые огоньки вокруг брёвен будут. Они сразу спать соберутся. Я им на зиму, прежде чем в спячку лечь, камин топляками битком набиваю, так им до весны хватает. Они очень любят сосновые топляки и музыку. Вот такие у меня есть друзья...

Я был восхищён.

– А если хоть одна из них в лес попадёт? – спросил я.

– Леса не будет, – кратко ответил водяной. Они, конечно, не такие умные, как один мой друг, который умудрился в ведьмочку влюбиться, но они же разумные! Посмотрю я на то, как и у кого получится потушить разумный огонь! У людей так точно не получится. Тут проливной многодневный ливень нужен и несколько заклинаний. Без нас, водя-

ных, людям не справиться. Мы же с огнёвками раньше тысячи лет воевали, вылавливали... Их, наверное, на воле уже и не осталось. Раньше они каждое лето леса вокруг наших рек и озёр выжигали. А эти – зеленые, – водяной грустно усмехнулся, – самые редкие в мире! Сейчас-то мы друзья, забыли они уже вольные леса, а когда-то они едва не сожгли меня живьём. Первых трёх поймал я сам. Давно, очень давно. Я был тогда совсем молодым и глупым. Сейчас бы я никогда на такой риск не пошёл.

– А сейчас их сколько? – спросил я.

– Десять, – ответил водяной. – Огнёвки очень медленно размножаются. Раньше считалось, что в неволе они вообще не могут иметь детей, но этим у меня, значит, хорошо... Да и лет уже прошло очень много, было время забыть обиды. И – музыка. Они безумно любят музыку! Странно, правда? Живой огонь любит музыку! Я раньше им на скрипке играл, пока все эти технические чудеса не появились. Долгими ночами я играл на скрипке, а они танцевали, – голос водяного был тих и грустен. – Так ты собирался звонить? – спросил он.

Я взглянул на часы.

– Да, надо, – подтвердил я.

– Домой и ведьмочке? – уточнил водяной.

– Именно так, – ответил я, – домой, а уж потом – ведьмочке. Её зовут Ольга, и она, кажется, не знает, что она ведьма.

Водяной на минуту замолчал, катая бокал с коньяком между ладонями.

– А знаешь, Эрих, пригласи-ка её в гости к нам! – предложил он.

От удивления я даже не сразу нашёлся, что ответить.

– Я хочу на неё посмотреть. Ты все-таки один из немногих моих друзей, барон, – сказал водяной.

Размышлял я не очень долго.

– Я попробую, – согласился я. – Проводи меня наверх, пожалуйста.

Выйдя из упругого воздушного пузыря, в котором водяной доставил меня на поверхность, я невольно залюбовался озером. Заканчивался чудесный летний день. На озере стоял абсолютный штиль, и не было ни ветерка.

С командой на перевод денег я справился быстро: я позвонил домой и произнёс фрау Хельге всего три кодовые фразы, третья из которых была одноразовым ключом, озвучивала сумму перевода и код счёта получения.

Со вторым звонком было сложнее. Набрав номер Ольги, я почти минуту не решался нажать на кнопку вызова. Водяной весело кувыркался в воде, пару раз игриво брызнув на меня водой. То ли коньяк уже во всю и на него действовал, то ли настроение у него было хорошее. Ещё бы выпрыгивать из воды стал с мячиком, как дельфин! И это на третьей тысячи лет жизни!

Трубку Ольга взяла на втором гудке.

– Да! Это кто? – спросил меня чуть хрипловатый знакомый голос. Где-то играла музыка.

– Экра все так же к девочкам пристаёт? – задал я встречный вопрос.

– Это ты! – Ольга явно обрадовалась. – Я у себя в баре! Приезжай! Рыжик тут достал уже всех! Лежит в кресле, где ты сидел, и никого его занять не пускает, сразу шипит, как тигра злобная. И иногда мяучит, как плачет. Есть отказывается категорически. Ты что мне с котом сделал?!

– Подружился, – честно ответил я.

– Как тебя зовут-то? – спросила Ольга, – мы ведь даже не познакомились!

– Ну, что указано в очередном паспорте, не очень важно, а на самом деле – барон Эрих Иероним фон Корр к Вашим услугам, леди! – ответил я.

В трубке повисла тишина. Если честно, я бы не удивился, если бы девушка повесила трубку.

– И что делает сейчас господин барон? – с непередаваемой интонацией легкого сарказма спросила Ольга.

– Сижу в гостях дома у друга, мы пьём коньяк и приглашаем тебя в гости к нам, – ответил я.

– Так приезжай с другом! – предложила Ольга.

– Понимаешь, Ольга, это не очень удобно... Мой друг – водяной. Он живёт в своей пещере за городом. У него огромная библиотека и камин с зелёными огнёвками, а ещё у нас почти ящик коньяка и море пива. Кругом спокойное озеро и очень красиво. Мы из пещеры вышли, чтобы тебе позвонить... Из неё просто позвонить невозможно, стены очень

толстые. Ты приедешь?– спросил я.

В телефоне на несколько секунд повисла тишина.

– Ты хочешь сказать, что ты сейчас в гостях у своего друга – водяного, в его пещере пьёшь с ним коньяк? – уточнила Ольга.

– Да, – удручённо подтвердил я. – У него в камине живёт зелёный живой огонь, огнёвки, вернее, зелёные. Здесь сухо и тепло. Мы просто давно не виделись, вот и...

– Вы много выпили? – деловито поинтересовалась Ольга.

– Почти две бутылки конька, – честно ответил я, – но что для водяного, что для меня – это как слону дробина. Правда-правда!

– Там у вас машину поставить можно где-нибудь рядом? – спросила Ольга.

– Нет, – ответил я. – На дороге поставить негде, а до озера ещё лететь надо над зарослями довольно далеко.

– Я летать не умею, – удручённо ответила Ольга.

– Я тебя встречу, – пообещал я. – Ты приедешь?

– Я приеду, – ответила Ольга. – Возьму фруктов, шоколада, и из чего ужин

приготовить. Объясняй, куда ехать?

– Подойди к окну бара, – попросил я, – там у вас стоянка такси напротив, ты красную девятку видишь?

И я назвал ей номер машины.

– Вижу! – почти тут же ответила Ольга.

– О! Скажи водителю, что тебе нужно туда же, куда он

днём отвозил за город мужчину с большой сумкой в чёрных джинсах и куртке. Не мог он меня забыть, я уверен. Будешь подъезжать – позвони. Я тебя встречу.

– До встречи! – коротко ответила Ольга и отключилась.

Я убрал телефон в карман и тут заметил довольное лицо водяного. Тот плескался у самого берега и не пропустил ни единого слова из нашего разговора.

Лениво поводя своим роскошным дельфиньим хвостом, он поинтересовался: Ты ей сказал, что пьёшь коньяк с другом-водяным в его пещере, в которой в камине живёт зелёный живой огонь, и она согласилась приехать?

– Именно так, – подтвердил я.

– Героическая женщина! – восхищенно заключил водяной.

– Ты помнишь, где у меня гостевая комната? – спросил он, – для тебя, кстати, готовил. Там и камин есть. Кровать огромная. Туалет с душем в комнате напротив. Пару огнёвок я в камин гостевой сейчас переселю, чтоб нагреть успели, – деловито начал рассуждать водяной, – вода в душе, правда, только холодная... Где кухня, ты знаешь. Утром готовьте завтрак и меня подождите. Я рано утром по своим делам отлучусь, а то браконьеры сетей опять кругом моего дома поставили – устрою им радостный сюрприз. Не захотите ждать, так можете сами вынырнуть. Тут не глубоко, не растаете.

– Ори! У тебя есть хоть капля деликатности? – спросил

я. – Я девушку увижу второй раз в жизни! Какое утро? А леди, как известно, всегда имеет право передумать!

– Дурак ты, хоть и с крыльями, – хохотнул водяной и брызнул в меня водой. – Леди всегда принимает решение в первую минуту. Я пошёл вам комнату готовить, а ты сиди и думай.

И водяной бесшумно растворился в воде.

Я же решил последовать его совету: собрал топляка, коры, и очень быстро соорудил костер. Зажигалку я оставил у водяного в каминном зале, так что пришлось извлекать огонь по-другому: я выбрал взглядом кусочек коры в глубине сложенной кучи дров и сосредоточился. Главное тут было не перестараться, а то вместо костерка я запросто мог получить оплавленную яму в граните – огонь тоже бывает разный. Тот, которым я сжигал бесёнка, поселившегося на таксисте, не имел ничего общего с тем, что мне требовался сейчас.

Огонь занялся сразу – у меня получилось всё сделать аккуратно. Хорошо, что хоть сигареты я не забыл. Прикурив от костра, я бросил взгляд на озеро. И вовремя: вдали на водной глади озера появилась маленькая точка – приближалась моторная лодка.

А вот это было совсем не вовремя. Продираться на встречу с Ольгой сквозь густые прибрежные заросли мне очень бы не хотелось. И потом мне бы ещё предстояло проводить её сквозь них же обратно к озеру. Да и визит в гости к водяному, задержишься эти путешественники где-нибудь по-

близости, пришлось бы отложить. Ситуация могла сложиться не очень удобная...

Лодка приближалась очень быстро. Я не стал напрягать зрение, хотя и мог, при желании, рассмотреть этих визитёров, как сквозь пятикратную подзорную трубу. Вместо этого я присел у костра и стал подбрасывать в него мелкие веточки.

Что может быть естественнее зрелища отдыхающего, проводящего время у костра у озера в тёплый летний вечер? Удочки только мне не хватало для полноты и естественности картины. Хотя место было, конечно, мягко говоря, очень редкое для посещений и рыбалки... Но, как известно, нет таких трудных мест на планете, куда не может завести рыба-любителя его страсть, а удочки могли бы быть и на берегу.

Моторка же была уже почти рядом, и её пассажиры стали видны абсолютно чётко и без всякого напряжения зрения.

В катере были двое мужчин, один из которых стоял у руля, второй же, стоя, рассматривал меня в большой морской бинокль. И веяло от них чем-то для меня непонятным – они слишком далеко от меня находились, чтобы я мог их почувствовать по-настоящему, но даже то, что я мог уловить, было чем-то странным.

Это не было угрозой, нет, но их любопытство было необычным. За годы и годы своих странствий я научился чувствовать такие вещи безошибочно.

Лодка сбавила ход, медленно делая полукруг вокруг гра-

нитной скалы, под которой жил водяной. Всё это время мужчина – тот, что до этого стоял с биноклем, что-то внимательно рассматривал в довольно большом ящике, что был прикреплён к левому борту лодки так, что ящик нависал над водой. Потом лодка, завершив полукруг вокруг скалы, опять взревела мощным мотором и легла на обратный курс, очень быстро удаляясь.

Костер горел почти без дыма – если сверху костра постоянно подбрасывать мелкие сухие веточки, что я и делал, то можно добиться того, что дыма не будет почти совсем.

Я всю свою жизнь безумно любил живой огонь. Это осталось у меня с тех времен, когда я так часто грелся у огромного камина в своём замке в детстве, столетия тому назад. И с тех пор ничто и никогда так не успокаивало мне душу, как вид живого огня.

Время бежало абсолютно незаметно.

– Интересно, удастся мне уговорить водяного подарить мне парочку сказочно прекрасных зелёных огневок? Покупать у друга как-то неудобно... Да и что можно предложить водяному?! Озеро заселить ему красной рыбой так, чтобы по их спинам можно было ходить? – подумал я.

– Кто приезжал? – спросил вдруг сзади меня знакомый насмешливый голос.

Я обернулся и слегка опешил: Передо мной стояла дама средних лет с простодушным круглым лицом в веснушках и с более чем лишними формами. В зелёном купальнике в

белых ромашках, из которого все эти формы выпирали во все стороны.

– Ори, ты?! – потрясённо спросил я.

– А ты кого ждал, мыслитель? Мерлин Монро? Можно, конечно, и ей прикинуться, но зрители тогда точно долго бы нас не покинули. А так сидит парочка на берегу, чего ж тут необычного? Лодка для меня незнакомая, – уже серьёзно сказал водяной, – я всех, кто только в этой части озера появляется, знаю и помню. Эта тут впервые. Кто в ней сидел то?

– Двое. Один с биноклем. Рассматривали меня и берег. Сделали полукруг вокруг твоей скалы и ушли обратно, – чётко доложил я, – а ещё на борту был какой-то прибор, похоже, для сканирования дна.

– Утопить, что ль? – задумчиво спросил водяной, – на озере ведь и шквалы бывают неожиданные.

И я не мог понять – шутил он, или нет.

– С чего бы это у тебя такие мысли? – удивился я.

– Да мне то до них дела нет, – водяной махнул рукой. – Я просто вижу, что тебе они очень не понравились. Почему-то.

Я лишь удрученно покачал головой. Приходилось смириться с мыслью, что от Ори у меня секретов быть не может.

– Да оставь ты их в покое, – ответил я, – пусть плавают, где хотят. Как твоя рыба всю эту механику переносит, не понимаю?

– Рыба то ещё ладно, а каково мне? – удручённо вздохнул водяной. Двух огнёвок я в гостевую комнату в камин пере-

селил. Обживаются. Я им там сейчас музыку подобрал, думаю, через полчаса в комнате уже жара будет. Будет жарко, классику какую-нибудь поставишь тихо-тихо, они и успокоятся. Разберешься, надеюсь, с регулировкой. Музыкальный центр у тебя там есть, на стене полка с дисками – подберёшь по вкусу.

Бросив взгляд на водяного в очередной раз, я не мог не улыбнуться. Уж очень тётка была колоритной.

– Ты с кого этот вид слизал? – спросил я.

– Да тонула этой весной. Не помню, как зовут, но помню, что работает где-то в городской администрации. Приехали на берег две подруги со своими, как это культурно называется, друзьями? Нажрались так, что едва хрюкать не начали. Ну, а потом данная дама полезла купаться. И начала тонуть. Орет 'помогите', а её друзьям не до неё: кто спит, кто в кустах блюёт... Короче, я её на берег просто вытащил. Тяжеленная она оказалась! Толстая, благим матом орёт, ничего понять не может. Руками машет, ногами дрыгает, ужас! Я её едва не бросил. А что, не нравлюсь? – спросил водяной, и, повернувшись ко мне боком, пару раз подбросил руками огромные груди.

– Нет, ты – великолепен! Великолепна, вернее! И сразу ясно, куда уходит городской бюджет, – заверил я водяного.

– Ольга не звонила ещё? – спросил водяной.

– Нет, – ответил я.

И в этот миг зазвонил телефон.

Бросив взгляд на озеро, я попросил водяного: Ты хоть вид смени, прошу тебя! Не надо ... работников администрации. Ты же приличное разумное существо! Я за ней быстро следаю.

И я нажал кнопку вызова.

– Я на месте, – кратко ответила Ольга, – и куда идти? Тут болото и заросли непроходимые кругом. Шофёр ничего не перепутал? – спросила она.

– Отпусти машину, я сейчас буду. Только отпусти машину и стой на месте, – попросил я.

– Машина уже уехала. Давай, я жду, – ответила Ольга и отключилась.

Я взглянул на водяного. Тётка в цветастом купальнике исчезла. Передо мной стоял господин во фраке и котелке. На его ногах сияли лакированные чёрные штиблеты, а в петличке торчала белая роза. Его усы и бородка были безукоризненны. Монокля ему только явно не хватало. Вот только глаза данного господина смеялись самым нахальным образом. Я в своих джинсах и футболке смотрелся по сравнению с ним форменным плебеем.

– Ну, я пошёл, – сказал я.

– Вернее, полетел, – поправил меня Ори.

– Ну да, полетел, – согласился я.

– На крыльях любви, – елеиным голоском дополнил водяной.

Комментировать я не стал, лишь бросив на него осужда-

ющий взгляд, и взлетел.

Ольга ждала меня на том же самом месте, на котором вышел несколько часов назад и я. Но на этот раз она была в белой короткой юбочке и белом же крохотном топике. Лишь тот же бриллиант сиял на её груди маленькой звездой. Рядом с ней на земле лежала сумка. Заметила меня она ещё в воздухе и приветливо махнула рукой. Я бесшумно приземлился рядом.

– Здравствуй. Ты великолепно выглядишь! – сказать ничего более оригинального просто не пришло мне в голову.

Ольга смотрела на меня и удивлённо, и чуть испуганно, как и тогда, в баре, при нашей первой встрече. И так же сияли изумрудным огнём её огромные глаза.

– Здравствуй, – тихо ответила она.

– Бери в руки сумку, а я возьму тебя! И мы быстро слетаем. Лететь я буду очень низко. Не бойся, – заверил я.

– Я и не боюсь... Почти. Но ничего не понимаю, – ответила Ольга

– Я объясню всё чуть позже. А сейчас, пока дорога пустая, давай быстро отсюда убежим, – предложил я.

Подхватив с земли сумку, я с удивлением отметил, что, небольшая с виду, она оказалась довольно тяжёлой. Кирпичи она решила в гости захватить? Но размышлять было некогда. Сумку я вручил Ольге в руки, сам же подошёл к ней сзади и плотно прижал к себе. У девушки оказались очень интересные духи: что-то из коллекции Ямамото, но какие именно,

вспомнить я не смог.

Надо ли объяснять, почему летел я, не очень быстро? У моей пассажирки оказалась очень упругая маленькая грудь и железные нервы. За всё время полёта она не проронила ни слова.

Водяной ждал нас у костра во всё том же обличье джентльмена далекого и любимого нами обоими девятнадцатого века.

Оказавшись, наконец, на скале, Ольга вздохнула с явным облегчением. А Ори продемонстрировал мне в очередной раз, что владеет не только умением носить костюм джентльмена, но и обладает его безупречными манерами: поцеловав девушке руку, он сказал с милейшей улыбкой: Ваша красота превосходит только Вашу смелость, леди!

Я прервал его излишества: Ольга, разреши тебе представить – Ори, водяной этого озера. Если бы он был человеком, я бы сказал, что он, вне сомнения, человек чести. И мой друг. Ему чуть больше двух тысяч лет, и он является обладателем одной из самых уникальных библиотек в мире, а также – настоящим ценителем классической музыки.

– Ори, – теперь я обращаюсь к водяному, – разреши представить тебе Ольгу Гелле, мою знакомую. Ведьму. Я ручаюсь за неё и обещаю, что, входя в твой дом, никто из нас не принесёт с собой зла ни тебе, ни твоему дому.

Произнося слова ритуальной клятвы, я бросил взгляд на ведьмочку. Клятва была принята, так сказать, в нашем кругу.

С человека что-то требовать никто ничего бы не стал. Я же произносил клятву только потому, что обычного смертного вводил в дом друга.

Наша гостья удивила нас обоих: чуть побледнев, она произнесла чётко и твердо: Я, Ольга Гелле, клянусь, что не принесу зла ни тебе, ни твоему дому, Ори!

Повисла пауза. Водяной был удивлен не меньше меня.

– Приглашаю в гости, друзья! – водяной улыбнулся и едва заметным движением скользнул в воду. От человека у него остались лишь голова с насмешливым взглядом умных глаз.

Первой он пригласил зайти в воду, разумеется, Ольгу. Вмиг окружил её плотным воздушным пузырьём и утащил под воду. Меня с сумкой водяной доставил к себе следующим рейсом. Окружая меня пузырьём, водяной восхищенно шепнул: Она прелесть! Эрих, у тебя наконец-то глаза оказались на правильном месте!

Ольга стояла перед камином, промокшая насквозь, протянув ладони к языкам теплого зелёного пламени. Под ней уже успела набежать маленькая лужица воды. Под её юбочкой, которая, намкнув, стала почти прозрачной, оказались чисто символические трусики – из тех, необходимость наличия которых была абсолютно не понятна в силу их миниатюрности и воздушности материала. Топик, намкнув, тоже почти исчез. Так что сейчас Ольга казалась обнажённой.

– Пузырь у самого входа в пещеру почему-то лопнул, – виновато пояснил Ори, – очень острая коряга попалась! Так

что наша гостья чуть промокла, я очень извиняюсь!

Я лишь выразительно на него взглянул. Комментировать данное происшествие я не стал, хотя и очень хотелось.

Обернувшись ко мне, Ольга восхищенно прошептала: Эрих! Это сказка! Этого не может быть! Но как красиво!

Казалось, её совсем не волновало то, как она сейчас выглядит со стороны.

В ответ я лишь пожал плечами.

– Да люди всю свою жизнь живут в мире, которого не может быть, а он – полон чудес и жизни, которых они просто не видят, – ответил я, пожав плечами. – И, дорогой Ори, – обратился я к водяному очень и очень любезным голосом, – не найдешь ли ты в своём доме, случайно, одно большое полотенце для нашей гостьи?

– Не стоит! – сразу вступила в разговор Ольга, – я и так обсохну, но как красиво! – восхищенно сказала она.

Её глаза не отрывались от пляшущих в камине зелёных живых языков пламени.

– Ори! – сказал я и выразительно посмотрел на водяного.

Хотя, конечно, в душе я и признал, что водяной прав, а ведьмочка гораздо лучше смотрелась бы без ничего вообще. И так было бы теплее у камина, в конце-то концов...

Когда водяной принёс огромное белое пушистое полотенце, наша гостья удивила нас ещё раз: мгновенно скинув с себя всё то небольшое, что на ней было, кроме босоножек, она обернулась в полотенце, оказавшееся для неё уж слишком

длинным – буквально до пят.

– А где одежду высушить можно? – спросила Ольга.

– На каминной доске разложи, всё быстро высохнет, – предложил водяной.

Ори вернул себе вид джентльмена позапрошлого века и был сама любезность.

Можно было даже на миг поверить в то, что воздушный пузырь, в котором он препровождал гостью в свой дом, лопнул абсолютно случайно. Не водяной, а дитё на третьей тысяче лет жизни, право слово.

Ольга так и сделала – аккуратно разложив одежду на каминной доске. Мы же с Ори притащили ещё одно кресло. Наши с Ольгой кресла мы поставили друг напротив друга – сбоку от нас был камин. Кресло водяного смотрело на камин прямо. В центре этого треугольника располагался низкий дубовый столик.

– Может, ты побудешь маленькой хозяйкой, Оль? У нас куча всего вкусного есть что здесь, что на кухне, да и ты что-то принесла, – предложил я. – Тем более, ты вроде в организации обедов понимаешь явно лучше нас?

– Но какая прелесть! – прошептала Ольга восхищенно, в который раз проведя ладонями у самых языков весёлого зелёного пламени. А помочь... Мальчики, показывайте, где у вас кухня, и что у вас есть! Выпивку оставьте здесь! – распорядилась она.

И Ольга с водяным удалилась на кухню, оставив меня в

одинокости. Причем Ори, по команде Ольги, послушно потащил её тяжеленную сумку. Я же налил себе коньяка, и, катая бокал в ладонях и иногда делая небольшие глотки, ощущал полный покой и блаженство в душе. И лишь смеялись, казалось, зелёные огнёвки в камине – вечный танец живого зелёного огня.

Прошел почти час, а бутылка коньяка лишилась трети содержимого, когда я решил пойти искать этих кулинаров.

Пройдя длинную анфиладу комнат библиотеки, я попал в первую оружейную залу музея и не смог не задержаться. Из этой залы шло два коридора – влево уходила ещё одна длинная анфилада залов с оружием, картинами и драгоценностями, которая сейчас была не освещена, а вот вправо вёл узкий проход на кухню.

Но вот то, что я увидел в первой, оружейной зале, прямо на входе, заставило меня замереть на месте: на подставке из чёрного камня стояла банка, или, скорее, аквариум, высотой около пяти футов, снизу она была подсвечена. И вот в нём в воде колыхалось нечто странное: бугристый шар, составленный, казалось бы, из разноцветных драгоценных камней размером с кулак каждый и сбившихся в шар, может, с три четверти фута в диаметре.

Видимых глаз это чудище не имело, но я явно ощутил на себе взгляд живого существа. И – чувство страха и злобы, вдруг пахнувшие на меня. Уж эти вещи я всегда чувствовал безошибочно.

Неожиданно огни этого живого шара стали темнеть, пока не поблекли совсем, а потом шар опустился на дно почти бесцветным комком полупрозрачного желе. Это было что-то настолько странное, что над этим стоило подумать очень хорошо.

– Позже, – пообещал я себе. – Только не сегодня, и только не после такого количества коньяка!

До того, что Ори называл 'кухней', мне пришлось пройти довольно длинный и едва освещённый узкий проход. Но так называть эту залу мог только очень большой шутник – мой друг водяной, или Гаргантюа, наверное, ибо 'кухня' в пещере водяного по размерам не уступала обеденному залу небольшого средневекового замка – уж поверьте очевидцу.

Но в другом месте своей огромной пещеры расположить её водяной просто не мог, так как это был единственный зал в его пещере, откуда было возможно сделать вытяжку наружу самого настоящего камина, с самым обычным огнём. В этот же древний дымоход, уже в новые времена, водяной подключил и вытяжку от обычной современной электроплиты. И легкий дымок искусно спрятанного дымохода никогда не выделялся снаружи, теряясь среди груды огромных валунов, наваленных последним ледником в футах в трехстах от берега озера.

Заглянув во внутрь, я залюбовался открывшейся передо мной картиной: В центре залы стоял квадратный стол самого современного вида, заставленный огромным количеством

различной бытовой техники. Вдоль левой стены рядом выстроились два огромных холодильника, морозильная камера и электроплита. На плите при этом что-то булькало и жарилось – на всех четырёх конфорках сразу.

И от стола к плите и обратно очень быстрым шагом мелькала Ольга, иногда вытирая пот со лба – абсолютно обнажённая. Явно мешавшее ей полотенце было небрежно скинуто на один из стульев у стола. Фигурка у неё просто точёная, покрытая ровным золотистым загаром – я залюбовался.

Водяной же поразил меня ещё больше: он стоял за столом у огромного гудящего кухонного комбайна, в котором что-то мешалось и резалось, и пристально следил за таймером времени на его лицевой панели.

Поварёнок просто, а не властелин глубин второго по размеру в Европе пресного озера!

И вот тут я неожиданно вспомнил, где видел такие 'шарики', один из которых сидел у водяного в аквариуме в музее. Вернее – не совсем так они обычно выглядели, но очень уж он был похож... Очень. Этот-то существовал в обычном мире, но я вспомнил тварей, которые, когда я их сжигал, как того бесенка на таксисте, выглядели очень похоже. И похолодел.

– А мне стало скучно, и я пошёл вас искать! – сообщил я, входя в зал. – Ори, с тобой можно поговорить?

– Эрих, только не отвлекай! Мне ещё муку надо обжаривать! У нас на ужин будет чорба из озёрной форели! – вос-

торженно ответил водяной, не отводя взгляда от дисплея кухонного комбайна.

– Ори, это важно, – ответил я. – Нам надо поговорить.

– Ты какую рыбу больше любишь: жареную, или тушёную? – спросила меня Ольга, что-то быстро строгая на разделочной доске.

– Надеюсь видеть тебя одетой как можно реже, ты просто великолепна, – ответил я Ольге, – а рыбу я предпочитаю тушёную в красном сладком вине. – Ори, да оторвись ты на минуту! – попросил я водяного.

– Слушай, барон, Оленька потрясающе знает всю эту кухонную технику! А то я в микроволновой печи так никогда бы сам и не разобрался.

– Уже 'Оленька', – отметил я про себя, отводя водяного в сторону. Ведьмочке явно удалось завоевать его симпатию.

– Что случилось? – спросил Ори озабоченно.

– Ты что за чудо в банку посадил?! – спросил я. – Владыка вод... В первой зале музея в большой банке у тебя сидит, на входе.

– Сам не знаю, – водяной пожал плечами. – Впервые такое вижу, вот и притащил в музей. Странная какая-то зверушка и очень красивая. Рыбу жрёт, но почему-то не гадит. А что? Ты знаешь, что это такое? Я подумал, что это – какое-то новое дитё современной атомной или химической промышленности, вестник, так сказать, прогресса.

Мои предположения переросли в уверенность, а изнутри

обдало холодом.

– А где ты её поймал? – спросил я.

– Да у самой моей пещеры, – сказал водяной. – Сидела на дне, огоньками переливалась. Я за ней понаблюдал немного. Она, когда мелкая рыбёшка рядом появлялась, выстреливала щупальце – и – конец рыбке. Я её сачком подхватил и в банку посадил. Я даже не знаю, ядовитая она, или нет, говорю же – я впервые такое чудо вижу...

– Она и не должна гадить, эта тварь, она почти любую органику жрать может, ей расти надо. Тебе очень повезло, что сам ты её не трогал. Следующей её добычей был бы ты, мой милый водоплавающий друг. Вернее – она стала бы тобой. Я думаю, что это очень редкий демон, Ори, может быть даже и какой-то новый демон – водяных, не знаю, раз у твоего дома оказался. Очень странно, что он смог материализоваться в обычном мире, а это значит, что он очень и очень силён и безумно стар и опытен, Ори. Но то, что это – самый настоящий демон, а не какая – то новая животина, я уверен абсолютно! Думаю, ему чуть не хватило времени, чтобы накопить достаточно сил, чтобы напасть на тебя и захватить. В этом мире почти так же выглядит бгон – один из самых мерзких и редких демонов, уж очень он похож на эту тварь в банке. Не тойху, конечно, по силам, но тоже очень силён. И вот когда он вселяется в человека, то тот вдруг начинает то кошек живьём жечь, то людишек по подворотням резать... Просто так, для удовольствия.

– А что стало бы со мной? – тихо спросил Ори.

– С виду – ничего, – ответил я. – Только люди стали бы тонуть в твоём озере косяками, а, увидев меня, ты попытался бы меня убить. И тебя бы не стало... Вот и всё.

– Ты спас мне жизнь, – прошептал водяной.

– Тебя спасла Судьба, – поправил я своего друга.

– Ты сможешь это уничтожить? – спросил Ори.

– Надо подумать, как это сделать лучше. Дух бы я сжёг легко. Слизень этот зажарить – тоже не сложно, но разный огонь есть в этом мире, Ори, поверь... Не так просто это объяснить, Ори, но если эту медузу просто кинуть в огонь, или я сожгу её обычным огнем, сгорит только тело, дух уйдёт и опять начнет копить силы. Я могу не успеть его перехватить. Очень редкая тварь! Но эта, конкретно, надеюсь, живет только в воде. Думать надо. На бгона он только похож, но вижу что-то подобное я впервые, – ответил я.

– Не помешаю? – раздался сзади голос нашей гостьи.

Мы обернулись на подошедшую Ольгу. Она стояла со скорородкой в руке, обнажённая и прекрасная.

– А кто такой 'бгон'? – спросила она.

Мы потрясенно замолчали, я так сразу забыл обо всех демонах всех миров.

– У меня просто очень тонкий слух, – виноватым голосом сказала Ольга. – Мне помощник нужен. Там немного осталось, и будем обедать!

– Действительно, давайте закончим готовку, а уж потом

обсудим, что делать дальше, – согласился я.

Когда мы, загруженные тарелками, кастрюлями и сковородками, возвращались в каминный зал, то, проходя мимо аквариума с бгоном, задержались. Ори прикрыл банку с демоном сверху листом толстого стекла, а на него поставил ещё и фигурку какого-то древнего каменного божка с фут высотой.

Тварь сидела на дне аквариума комком серой слизи. Чутьём и разумом она явно обладала. Обычно полноценный разум демон обретает, только вселившись в разумное существо. Но этому не повезло.

Глава 4.

Наш военный совет начался всё-таки с обильного ужина. И, скажу честно, это был один самых приятных ужинов для меня за долгие-долгие годы. Не знаю, как для кого, но вкуснее умело приготовленной чорбы для меня нет ничего. И откуда Ольга могла это знать?! Ведьма! Вот ведь не борщ же собралась делать. А какие у неё вышли рыбные котлетки! А салатика какие-то, не понятно из чего намешанные?!

Думаю, не секрет, что два повара по одному рецепту всегда приготовят очень и очень отличающиеся по вкусу блюда. Мастер всегда вкладывает, как говорится, душу. Ну, не душу, разумеется – её в суп вложить нельзя, а вот свою энергетику – это бесспорный факт. Поэтому абсолютно разные вещи порой и получаются у разных людей, хотя и делались по одному и тому же рецепту и из одних и тех же продуктов. Не замечали? Вкус же приготовленных Ольгой вкусностей сказал мне о ней почти всё, что только можно узнать о человеке. И то, что она была Мастером в своем деле – тоже, но не это было самым главным, конечно. Я всё больше и больше безнадежно влюблялся, ибо то, что она сотворила, было самым настоящим волшебством!

Ольга чуть развернула свое кресло к камину и вытянула ноги, разместив их на низком пуфике. От зрелища пляшущего живого зелёного огня в камине её было не оторвать, а

нас с Ори – от вида её великолепной фигурки. Одеваться, к счастью, ей так и не пришло в голову. В руке она держала бокал с коньяком, иногда делая из него маленькие глотки – тосты за знакомство, хозяина дома и нашу гостью уже отзвучали, и задала вопрос, который поставил нас в тупик: А что будет после того, как Эрих уничтожит этого ... бгона? Придёт новый демон?

Мы с водяным озадаченно переглянулись. А вопрос-то был очень и очень интересным.

– Никогда не задумывался, если закон сохранения количества демонов в мире? – ответил я. Но что-то в этом есть... Такие сильные, как тойха, или бгон, толпами не появляются, это точно. Ты что по этому поводу думаешь, Ори? – спросил я водяного.

Было видно, что и водяной глубоко задумался.

А на меня нахлынули не очень приятные воспоминания. Сделав очень хороший глоток, я стал напевать:

Vor der Kaserne

Vor dem großen Tor

Stand eine Laterne

Und steht sie noch davor

So woll'n wir uns da wieder seh'n

Bei der Laterne wollen wir steh'n

! : Wie einst Lili Marleen. :!

*Unsere beide Schatten
Sah'n wie einer aus
Daß wir so lieb uns hatten
Das sah man gleich daraus
Und alle Leute soll'n es seh'n
Wenn wir bei der Laterne steh'n
! : Wie einst Lili Marleen. :!*

– Ори, а что это за народное творчество? – удивленно спросила Ольга.

– Красивая мелодия, – ответил водяной, – красивая песенка. 'Лили Марлен', её ещё в Первую Великую войну написали, если не ошибаюсь. Барону она очень нравится, эта песенка, хотя в последнюю большую войну его трижды и убивали.

– Меня тогда убивали четыре раза, – поправил я его. Я не всегда тебя находил, когда э... возвращался. Один раз это было зимой – ты спал. Маги безошибочно наводили на меня спецотряды для уничтожения. Они знали, с кем имели дело...

Допевать песенку я не стал. Вместо этого я предложил выпить в очередной раз – за погибель тойху, что мы и сделали.

– А стихи... я люблю стихи, Оль, – сказал я, – вот послушай:

У женщины

есть лишь одна одежда,
в которой прекрасна – всегда.
Это – когда её любят,
а она – обнажена!

– Ну вот! Это явно лучше! – рассмеялась Ольга. – А кто автор?

– А по гениальности сих строк разве не видно? – спросил я, скромно потупясь.

И водяной, и Ольга расхохотались.

– Да, вот такой он скромняга, наш барон, – прокомментировал водяной.

А потом, уже серьёзно, продолжил: ты вспомни начало двадцатого века, Эрих. В мире проявилось пять тойху. Четверо появились в Европе. И двоих из них так и не смогли уничтожить... Одного, точно знаю, убил ты.

– Поздно уже было, мой милый друг, поздно... Защита у них уже была такая, что у таких, как я, шансов почти не было. Меня просто тривиально вычисляли на очень большом расстоянии... И убивали. Я просто не мог подойти достаточно близко, чтобы хотя бы попытаться уничтожить тойху, а это не так просто сделать, уверяю тебя. Тут могли решить вопрос уже несколько иные силы, а они не вмешались. Я и не знал тогда, что в мире столько сильных магов осталось! Нам очень повезло, что большую часть из них в конце последней большой войны уничтожили – просто тривиально постреля-

ли. Сами люди. Пуля в затылок – и всё. В самые последние дни той большой войны, в Берлине, эсесовцы расстреляли самых сильных тёмных магов этого мира. Колдуны ведь всё-таки просто люди, Ори. Ну – почти, большей частью, вернее, – я неопределенно повел рукой с бокалом в воздухе, – я не знаю, как это сформулировать точнее.

Коньяк всё-таки уже очень и очень хорошо во мне играл.

Ольга, задумчиво смотрящая на танец в камине зелёного огня, спросила: Я правильно поняла, что в одном месте и время сильных демонов много не бывает? Может быть, это закон для них?

– Ты это к чему? – заинтересовано спросил водяной.

– Я думаю, что не надо этого бгона убивать, – предложила Ольга. – Пока этот здесь, в банке и живой, может, новый в мир и не придёт? А этого держать впроголодь, но не убивать. И не опасен будет, и под присмотром.

– Женщина! – восхищенно воскликнул водяной. – Я бы никогда не додумался! Вот ведь насколько иногда полезно женское коварство! Как тебе идея, Эрих? – спросил он сразу.

– Мысль хорошая, – я согласно кивнул головой. – Но демона держать дома нельзя. Я не знаю, что и как далеко он может видеть. И с кем может разговаривать, и кого ещё сможет в дом привести. Я очень мало об этих способностях демонов знаю, но не сомневаюсь, что они есть. Я вот даже след ауры Ольги на стенах её кафе с улицы почувствовал...

– Так это ты! – воскликнул Ори. – А тут – желе какое-то!

Мне так идея нашей гостыи нравиться!

– Мне тоже, – согласился я. – Но я предлагаю сделать лучше: мы его поместим, к примеру, в стальной термос с водой и одной рыбкой, или в бутылку из толстого стекла. И закопаем его потом где-нибудь на дне. Демон быстро поймет, что эта рыбка ему досталась навсегда. Он будет вынужден впасть в спячку, чтобы выжить, но пославшие его всегда будут знать, что демон жив – это я знаю точно. Сам себя убить он не сможет, а вот в спячке будет жить тысячелетия...

– Может, термос этот, из золота отольём? – предложил водяной. – А то сталь или стекло – это не серьезно, ненадолго.

– Стекло – да, – согласился я, – не очень надолго. Банка, или бутылка нужна из золота. Пробку залить свинцом, и всё! Ты сможешь сделать золотой сосуд, Ори?

– Никаких проблем! – заверил водяной, – я же золото не песком продаю, а слитками.

Всё необходимое для отливки у меня есть: и горн, и меха, и древесный уголь, и песок для форм.

Он явно обрадовался, когда решение оказалось найдено.

– Я эту урну потом закопаю где-нибудь на глубине – вот это будет могилой для демона навсегда! Если только вулкан какой-нибудь не проснётся и на поверхность эту бутылку не вытащит, – озабоченно сказал водяной.

– Может, в сказках о джиннах в кувшине из 1001 ночи есть и доля правды? – улыбнулась Ольга.

– Вулканов больше в этих местах не будет, – успокоил я

водяного. – Ледник идёт – это да, но твой дом на месте останется, ничего с ним не случится. Не знаю, правда, останется ли город. Привык я к нему...

За столом повисла, казалось бы, звенящая тишина. Лишь едва слышно играла 'Зима' Вивальди.

Ольга сняла ножки с пуфика и села в кресле прямо, закинув ногу на ногу, и посмотрела на меня широко открытыми от удивления глазами.

И вопросительно взглянул водяной.

– Какой ледник, Эрих? – тихо спросила Ольга. – Когда?! И за что?

– Коньяк, – ответил я обречённым голосом. – Я думал об этом с Ори завтра отдельно поговорить. Для людей эти даты не страшны... Не хотелось как-то вечер портить плохими новостями...

– Ты хочешь сказать, что Ольге теперь уготован обычный человеческий век? – спросил водяной, и не думая скрывать явного сарказма. – Я вот почему-то уверен, что она ещё и меня переживёт. Теперь. Или я ничего не понимаю ни в тебе, ни в людях, мой милый летающий друг! Так когда?

– Коньяк, – вздохнул я. – Если я начал петь немецкие песенки и много болтать, то это – коньяк! И 'ни за что' – абсолютно естественные процессы. Ну – почти... Что-то можно исправить только в деталях, а так – это уже неизбежно.

– С коньяком понятно, так когда, барон? – спросила Ольга.

Одну ногу она подняла, согнув её в колене и прижав к груди. Зелёное пламя камина плясало в её огромных глазах – она была безумно прекрасной. Чуть подрагивал бокал в её руке.

Вздыхнув, я сказал, когда.

Мои друзья потрясённо замолчали.

– Так скоро?! – ужаснулся водяной. – У меня такой прекрасный дом! Где я найду новый?! В спячку я ложиться не хочу!

Водяной был очень расстроен. Приключение с демоном по сравнению с такой новостью, действительно, не стоило почти ничего.

– А как же все эти крики в газетах про грядущее глобальное потепление? – спросила Ольга с усмешкой.

– В наших газетах всегда пишут только правду, – я пожал плечами, – привычка у них такая. Конечно, особенно много правды пишут перед выборами, но тут несколько иной случай. Пусть ждут потепления дальше эти учёные умники, ледники меряют, деньги с правительств вытряхивают... Протоколы подписывают... Сначала их смоев, счетоводов, а потом заморозит. Очень быстро.

С минуту мы молчали, пока я решил не сообщить моему другу водяному и хорошие новости: Ты не переживай, Ори. Тебе новую пещеру строят уже несколько десятков лет. На Средиземном море, неподалеку от моего дома. Земли там кругом принадлежат мне и только мне. Много фирм, фон-

дов, но реальный хозяин у них один – это я. И по очереди несколько фирм вырубают в скале для меня 'хранилище', или 'убежище', каждая – только свою часть, не имея никакого представления о проекте в целом. Там даже больше места, чем здесь, у тебя в этой твоей пещере. И там проложен подземный ход в милю длиной от моего дома в соседнюю бухту с яхтенной стоянкой. У меня там уже почти маленький подземный город получился. Оно очень и очень пригодится, это убежище... Запасов у меня там какое-то немыслимое количество. Топливо, генераторы – всё, что угодно. И там и для тебя есть место, мой друг. Но ты ведь не любишь солёную воду, да? – спросил я водяного.

– Не люблю, – с грустью подтвердил водяной. – Но жить в ней могу. Но нужна будет и пресная вода. Пить морскую воду мне нельзя...

– Тебе там целый бассейн вырублен, с пресной водой, – успокоил его я. – Есть две артезианские скважины, снабжающие сейчас водой и мой дом из очень глубокого подземного озера. И даже налито маленькое подземное озерцо, как запас пресной воды... Я готовлюсь к грядущим переменам всерьёз, Ори.

– Спасибо, Эрих, – ответил водяной и задумчиво стал смотреть на пляшущие языки пламени в камине. – Ты второй раз спасаешь мне жизнь в этот свой визит...

– Ты – мой друг, Ори, – ответил я. – Если тебя не станет, то с кем я буду разговаривать? А потом ты вернёшься сюда,

если захочешь. С этой твоей пещерой ничего не случится. И идёт не ледник в подлинном смысле – просто очень резко похолодает. Озеро летом не будет успевать оттаивать, а зимой будет промерзать почти до дна. И ненадолго всё это – столетия три, может – чуть дольше... Для нас это не очень большой срок.

– Так что вы решили делать с демоном? – вдруг спросила Ольга.

Новость о грядущем леднике её почему-то пока заинтересовала явно меньше.

Мы с водяным переглянулись.

– Последуем твоему совету, – за двоих ответил водяной. – Я запрю демона живьём и навсегда. Надеюсь, это действительно поможет оттянуть приход следующего. Мы не будем пытаться его убить.

Ольга, встав со своего кресла, подошла ко мне и пристроилась у меня на коленях. – Расскажи о демонах, Эрих! Пожалуйста! И расскажи о ведьмах!

Водяной смотрел на нас с выражением легкой грусти.

Я лишь отрицательно покачал головой.

– Не сегодня, Оль, – вздохнул я. – Плохой из меня сейчас лектор, так как редко когда я напивался так старательно. Нам всё равно придётся рассказать тебе многое. Только чуть позже, хорошо?

– А ведь ты никогда не верил в случайности, Эрих, – сказал водяной. – Сколько тебя знаю, ты никогда в них не верил.

Я согласно кивнул головой.

– Так я в них и не верю, мой друг. Ничто не бывает случайно в этом мире, – согласно ответил я. – Раз случилось то, что случилось, то впереди нас ждут весёлые времена. Уж слишком много событий: встреча с Ольгой, этот демон, пришедший неизвестно откуда...

И тут боковым зрением я заметил тень – между моим креслом и камином мелькнуло что-то полупрозрачное и видимое явно лишь мне.

Почему-то духов мне гораздо легче видеть именно боковым зрением. Почему так происходит, я не знаю. Вот с демонами, паразитирующими на людях, у меня таких проблем нет – я их просто вижу, хотя и не очень обычным способом. Вы поверите в существование второго прозрачного века у человека?

А вот души ушедших – это было совсем и совсем другое. Для меня это были крайне редкие гости. Силы, которые оставили эти души на земле, или пустили их сюда хоть на время, и я – несоизмеримы.

Я всё-таки уже много выпил в тот вечер, а я давно заметил, что после изрядной дозы горячительного особое зрение у меня обострялось на порядок.

Но что было нужно этой душе здесь, в пещере водяного? Они и в мире людей гости крайне редкие. Я обнимал Ольгу, вдыхая чудный запас её волос, но краем глаза отлично видел, что тень ушедшего замерла у самого моего кресла и

явно чего-то ждала.

Хмель у меня из головы выветрился мгновенно. Несколько раз в моей жизни души ушедших со мной говорили, и всегда это было очень и очень важно.

– Ори, проводи, пожалуйста, нашу гостью. Проверьте, как там огнёвки в гостиной? Покажи Ольге свой дом, библиотеку, у тебя же столько всего интересного! Проводи её, пожалуйста, – попросил я, выделив последнее слово, – и подождите меня, я подойду. У нас гости.

Водяной озабоченно глянул на меня, но задавать вопросы ему и в голову не пришло. Он понял, что я должен немедленно остаться один.

– Леди! – обратился он к Ольге. – Окажите мне честь – позвольте мне показать Вам мой дом! Мою библиотеку, мой музей, да и в вашу комнату надо заглянуть, как бы огнёвки жары не нагнали!

И, взяв Ольгу за руку, водяной увёл её за собой.

Последнее, что я услышал, был его вопрос: А какими древними языками Вы владеете? У меня есть несколько уникальных папирусов! Могу попереводить немного, если у Вас возникнут трудности. Вы узнаете удивительные вещи! Вы никогда не слышали о Баале?

Ответ Ольги я уже не услышал. Всё мое внимание занимала тень у моего кресла.

Глава 5.

Призрак стал чётче, наливаясь красками. И почему-то у меня заложило уши, как при взлете в самолёте. Теперь призрака можно было видеть и обычным для меня способом – обычный человек, разумеется, не заметил бы ничего.

Призрак стал полупрозрачным, но все детали фигуры стали видны абсолютно чётко. Теперь я видел, что передо мной стояла женщина средних лет в платье до пят, с длинными распущенными волосами, явно имеющая с Ольгой много общего в красивом породистом лице с классическим греческим носом. И дама смотрела на меня пристально и строго. Потом я увидел, как начали шевелиться её губы, и уши у меня заложило ещё больше, но я ничего так и не услышал.

– Я тебя не слышу, – сказал я.

То, что со мной пытались поговорить, было абсолютно ясно. Призрак замер, явно что-то обдумывая.

– А так? – прошептал вдруг у меня в голове едва слышимый шёпот.

Я лишь утвердительно кивнул головой. Но ощущение было очень странное, я как будто находился под водой на глубине в несколько футов. Давление на уши было на грани боли, и я не мог понять, на каком языке со мной говорили.

– Защити её, – прошептал голос. – Ты сильный. Ты очень сильный, ты сможешь. Я помогу.

Думал я не долго – ответ был очевиден, но всё-таки я уточнил: Защитить Ольгу?

– Да. Ольгу. Ты любишь, я вижу. Защити. Моя мать пришла с небес. Наша сила от неё. Ольга взяла себе всю силу нашего рода.

– Мне больно, – я прижал руки к ушам. – Говори тише. И от кого надо её защитить?

– Защити, – опять прошептал голос призрака у меня в голове. – Если ты справишься, я не встречу её долго. Очень долго. Я это вижу.

И я увидел улыбку, мелькнувшую по полупрозрачным губам.

– Защитить от кого, или от чего? – опять спросил я.

Я видел, как открывались полупрозрачные губы, но больше не смог услышать ни слова, только боль в ушах стала невыносимой.

И тут призрак растаял в воздухе, так и не ответив. Не смогла, или не захотела? И сразу ушла давящая боль в ушах.

Душа оказалась чудовищной силы. Вот так проявиться в нашем мире? И сумеет нас найти? Гораздо легче ей было бы придти к Ольге во сне... Но смогла бы правильно понять этот сон Ольга? Но нет – призрак пришёл ко мне, а это значило, что ей разрешили – это значило, что наши с Ольгой судьбы связаны навсегда и это уже предрешено – другого варианта Судьбы уже просто не может быть. Дух мог явиться не к родной крови для того, чтобы о чём-то предупредить, только

если наши с Ольгой судьбы сплетены навсегда и в сферах, где официальной регистрацией браков не озадачиваются. В каждом департаменте есть свой жёсткий устав...

И я очень хорошо знал, что значила фраза 'моя мать пришла с небес', сказанная призраком – вот откуда чудовищная сила Ольги и её рода.

Мы – я, и такие, как я – ведь мы можем не только пить коньяк, но и тривиально иметь детей. Иногда так случается, но очень, очень редко. Обычная женщина никогда не сможет зачать от нас ребёнка.

Едва слышно звучала музыка, так же танцевал в камине живой огонь. Ощутимо шумело в голове и навалилось чувство дикой усталости. Мне опять предстоял бой. Самый настоящий. Но с кем и когда?

– Кто приходил? – спросил Ори, подошедший абсолютно бесшумно. – Я просто увидел, что ты закончил разговор.

– А где наша гостья? – в ответ спросил я.

– Делает вид, что спит. Ждёт тебя в спальне. У вас там тепло, будешь долго собираться, может, и в самом деле заснёт. Мы всё-таки довольны э... устали сегодня. Так кто приходил? – опять спросил водяной.

– Ты не поверишь, но это была душа какой-то из далёких прабабушек Ольги! Очень сильная! Просила защитить, но не успела сказать, от чего, или от кого. Вернее, я просто не смог всё расслышать, – ответил я.

– И пришла к тебе! – водяной был поражён. – Я же тебе

сразу сказал, Эрих, что век Ольги теперь будет долгим – связаны вы, я сразу увидел.

– Ещё бы ты мне сказал, что мне теперь делать? – спросил я. – С кем воевать, от кого её защищать? Или вообще из твоей пещеры Ольгу больше не выпускать?

– Ты не слышишь? – спросил вдруг водяной, к чему-то прислушиваясь.

– Нет, – ответил я удивлённо.

Ничего кроме тихой музыки я не слышал. И чуть потрескивали поленья в камине.

– Моторка у моей пещеры, – ответил водяной. – Та же самая, что была днем, но на этот раз идёт очень тихо.

Водяной прислушивался, а я не отвлекал его вопросами.

– Прошла мимо пещеры и ушла дальше вдоль берега. Странно, – задумчиво сказал водяной.

С минуту он о чём-то раздумывал, а потом заявил: Я сейчас вернусь!

И направился к выходу из пещеры.

– Только не топи! – попросил его я.

– Людей топить я не собираюсь, успокойся, – ответил водяной. – Просто в озере столько топляка скопилось, что просто ужас! И почему бы не встретиться этой лодке и старому бревну? Надоела она мне.

Я же остался ждать водяного у камина. Налил себе коньяка, отрезал дольку лимона и обильно посыпал его сахаром и кофе. Потом, сделав очень хороший глоток, я отправил ли-

мон в рот. Несмотря на сахар и кофе, меня передернуло. Редко когда я напивался так старательно, как в тот вечер, а надо было подумать, и о многом.

Призрак, призрак... Душа кого-то из далёких предков Ольги. Хотя, что значит 'далёких'? По покрою платья я безошибочно определил конец восемнадцатого века – времена моей молодости, а это и не такая уж и большая череда предков для любого современника. Но как она смогла меня найти, эта загадочная дама? Здесь, в пещере водяного? И почему у неё не получилось поговорить с Ольгой самой, без меня? Или она даже не пыталась? Или не смогла? Помешала та самая природная защита ведьм, которая не позволяет даже приблизиться к ним ни одному демону? Защита эта действует, как иммунитет к иной заразе у обычного человека.

Редко когда я видел что-то хорошее от ведьм. В последнюю большую войну тёмные ведьмы и маги защищали людей, захваченных тойху, яростно и очень действенно.

Тойху чёрная ведьма чует безошибочно, и ведьмы всегда ставили целью своей жизни служение им, хотя сами к демонам никогда никакого отношения и не имели – я столетиями не мог понять этой загадки. Но почему-то не бывает захваченных демонами рождённых по праву крови ни ведьм, ни колдунов. Просто не бывает. А вот людей, захваченных сильным демоном – вроде тойха, они чувствуют, как кот – миску с валерьянкой, и – служат им. Служат преданно. Почему? Я не знал. Как паразиты, пришельцы из совсем другого мира,

могли не только захватывать души людей, но и побуждать преданно служить себе тех, в кого никогда не сможет войти ни один демон?

И ведь именно ведьмы из охраны тойху всегда безошибочно вычисляли меня на очень большом расстоянии, и именно из-за них меня столько раз убивали в последнюю большую войну. Сама ведьма в честном поединке со мной обречена – я просто почти мгновенно её сожгу, но вот человек, которому указали цель, может быть для меня очень опасен, ведь никто не отменял всего этого колюще – режуще – стреляющего оружия.

Впервые именно так и произошло в этом проклятом для меня Париже летом 1785 года, когда на меня со спины напали четыре наёмника – самые обычные люди, но, вне сомнения – профессионалы, ибо даже я, со своей не достижимой для обычного человека реакцией, тогда просто не успел ничего сделать. Если бы я тогда встретил их лицом к лицу и успел обнажить шпагу, у убийц бы не было никаких шансов.

Вот более двухсот лет прошло с того дня, а я всё никак не могу забыть того своего первого поражения, поражения, которое стало прологом много в моей дальнейшей жизни... С тех пор я всегда караю тех, кто бьют в спину. Чего бы это ни стоило – за любое время и за любые деньги.

Пятерых очень сильных чёрных ведьм я уничтожил в далёком восемнадцатом веке и за вещи абсолютно мерзкие, поверьте. Одну – уже в самом конце девятнадцатого века в Гер-

мании, но самую сильную из всех, что я когда-либо встречал – в Лондоне, поздней военной осенью 1941 года. А вот за последние шестнадцать лет – уже целых четырёх, и – в России... И это в век, который какие-то шутники называют просвещённым, и когда от космических кораблей, бороздящих земную орбиту, стало почти не видно звёзд. Закончились, значит, времена средневекового мракобесия и охоты на ведьм? Но ведьмы то никуда не делись.

Только вот такого количества различных сект я не видел никогда. И хоть кто-нибудь из этих сбрендивших людишек знает, кто в этот мир с их помощью может не пройти, разумеется, а лишь заглянуть, и что может при этом натворить? Хотя вот этого, я уверен, лучше не знать никому. Но, поверьте – не так просты порой древние ритуалы и очень опасны старые знания.

Официальная же наука во всём этом вообще никакого участия не принимает, всё чаще напоминая мне тех догадливых французских академиков восемнадцатого века с их отрицанием метеоритов, право слово. Так что вот так и получается, что и корабли космические к планетам летают, а мусора в головах только добавляется.

Но сила настоящей ведьмы – это в первую очередь не только сила слова, знаний и обрядов – нет! Настоящую силу может дать только древняя кровь! Любые заклинания и обряды без неё будут просто шарлатанством и глупостью. Встречал я на своём веку очень сильных и белых ведьм – великих цели-

телей, сохранивших древние знания, и помогающих людям.

Помню одну, жившую не так и далеко от этих мест – от пещеры водяного, во времена, когда только взошла на престол Екатерина Великая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.